

Содержательная, провокационная и легкая
для чтения книга... Вероятно, лучшая и самая
стоящая на сегодняшний день работа Пиколт.

The Denver Post

АНГЕЛ
ДЛЯ СЕСТРЫ

РОМАН

ДЖОДИ
ПИКОЛТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ #1 ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Джоди Пиколт

Ангел для сестры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63113662

Ангел для сестры:

ISBN 978-5-389-18911-9

Аннотация

К тринадцати годам Анна пережила множество операций и медицинских процедур ради того, чтобы ее сестра Кейт могла бороться с лейкемией, мрачной тенью нависавшей над девочкой с малых лет. Анна, зачатая как идеальный донор костного мозга для сестры, никогда не возражала против отведенной ей роли... до настоящего момента. Как большинство подростков, она начинает задаваться вопросом: кто она такая на самом деле? И вот Анна принимает решение, которое расколется ее семью и, вероятно, будет иметь фатальные последствия для ее любимой сестры...

Роман «Ангел для сестры» ставит проблему тяжелого нравственного выбора. Морально ли спасти одного ребенка за счет другого?

Содержание

Пролог	5
Понедельник	6
Анна	6
Кэмпбелл	28
Сара	37
Брайан	54
Вторник	69
Анна	69
Сара	86
Среда	107
Кэмпбелл	107
Анна	124
Джесс	136
Сара	145
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Джоди Пиколт

Ангел для сестры

Посвящается Керрэн.

Лучшие члены семьи – это не те,

с кем нас формально связывают узы родства.

*Спасибо, что стали важной частью нашей
жизни.*

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Никто не начинает войну – или, скорее, никто в здравом уме не должен делать этого, – сперва не определив для себя со всей ясностью, чего он хочет достичь этой войной и как намерен ее вести.

Карл фон Клаузевиц. О войне

Мое первое воспоминание: в три года я пытаюсь убить свою сестру. Иногда это помнится так ясно, что я ощущаю, как чешутся руки от шершавой наволочки, а в ладонь упирается острый нос. Справиться со мной у нее не было никаких шансов, кто бы сомневался, но это не сработало. Мимо, собираясь ложиться спать, проходил отец и спас бедняжку. Он вернул меня в кроватку и сказал: «Этого не было».

Мы росли, и казалось, отдельно от нее меня просто не существует. Я смотрела, как она спит у противоположной стены – наши постели соединяла длинная тень, а я просчитывала варианты. Яд, подсыпанный в кашу. Подводное течение, утягивающее в глубину с пляжа. Удар молнии.

В конце концов не я убила свою сестру. Она сделала это сама.

По крайней мере, я так говорю себе.

Понедельник

*Братишка, я – огонь,
ревущий под дном океана.
Лучше б мы не встречались, братишка.
Много лет, ни поздно ни рано;
Может, тысячу лет, братишка.
Тогда я тебя согревал бы,
Прижимал к себе и кружил,
Настраивал, как мне нужно, —
Может, тысячу лет, братишка.*

Карл Сэндберг. Родство

Анна

В детстве самой большой загадкой для меня было не как делают детей, а зачем. Механику я понимала – меня просветил старший братец Джесс, хотя в тот момент я решила, что половину всего он усвоил неправильно. Другие дети моего возраста с интересом разыскивали в школьных словарях слова «пенис» и «вагина», когда учительница поворачивалась спиной к классу, но меня занимало другое. Например, почему у некоторых матерей всего один ребенок, тогда как у других число отпрысков увеличивается буквально на глазах. Или зачем новенькая в нашем классе девочка Седона сооб-

щала всем, кто готов был слушать, что она названа в честь того места, где родители проводили отпуск и заделали ее. «Хорошо еще, что они не остановились в Джерси-Сити»¹, – комментировал мой отец.

Теперь мне тринадцать, и разбираться в этих вещах стало еще труднее: одна восьмиклассница бросила школу, потому что «попала в беду»; соседка забеременела, надеясь удержать мужа, чтобы тот не подавал на развод. Говорю вам, если бы сегодня на Землю высадились инопланетяне и задались вопросом: «Почему у землян рождаются дети?», они пришли бы к заключению, что у большинства людей потомство появляется случайно – то ли однажды вечером эти недоумки перебрали с выпивкой, то ли средства для контрацепции не дали стопроцентного результата. Подобным «случайностям» может найтись сотня других объяснений, и ни одно из них не будет слишком лестным.

С другой стороны, сама я была рождена по совершенно особой причине. Я появилась на свет не после выпитой бутылки дешевого вина, не из-за полной луны или горячки момента. Я родилась потому, что какой-то ученый умудрился поймать яйцеклетку моей матери и слить ее со сперматозо-

---

¹ Помимо того, что Джерси – это округ в штате Иллинойс (США), образованный в 1839 г. и населенный переселенцами из штата Нью-Джерси, названного по острову Джерси в составе Нормандских островов, джерси – это еще и одна из самых старых пород жирномолочных коров, и шерстяная ткань, которую изготавливали изначально на острове Джерси и использовали для изготовления нижнего белья. – *Здесь и далее примеч. перев.*

идом отца, чтобы создать особую комбинацию драгоценного генетического материала. Вообще-то, когда Джесс рассказал мне, как делают детей, и я, мало чему верившая, решила прояснить этот вопрос у родителей, то получила гораздо больше того, на что рассчитывала. Они усадили меня и, само собой, сообщили всякие вполне обычные вещи, но, кроме того, объяснили, что выбрали маленькую эмбрионную меня, в частности, потому, что я могла спасти свою сестру Кейт. «Мы любили тебя еще сильнее, — не забыла добавить мама, — поскольку знали, какое сокровище получаем».

Это заставило меня призадуматься: а как пошли бы дела, если бы Кейт была здорова? Есть вероятность, что я до сих пор парила бы в Небесах или где-то там еще и ждала, пока меня соединят с каким-нибудь телом, чтобы провести некоторое время на Земле. Определенно, я не вошла бы в эту семью. Видите, в отличие от остальной части свободного мира, я попала сюда неслучайно. А если родители завели вас по какой-то причине, то пусть лучше эта причина существует и дальше. Иначе, как только ее не станет, то же произойдет и с вами.

Осмелюсь высказать свое мнение, хотя вам и не до него: в ломбардах полно всякого хлама, но это прекрасное место, где рождаются истории. Что, например, заставило человека сдать сюда ни разу не надеванную подвеску с бриллиантом? Кому так нужны деньги, что он решился продать одноглазо-

го плюшевого медвежонка? По пути к прилавку я думаю, задастся ли кто-нибудь подобным вопросом, увидев медальон, с которым я собираюсь расстаться.

У мужика за кассой нос как репа и глаза запали глубоко-глубоко, представить невозможно, что он в состоянии справиться со своим делом.

– Тебе чего? – спрашивает он.

Как же меня тянет развернуться и сбежать отсюда. Возможно, конечно, притвориться, что зашла по ошибке. На месте удерживает только одно: сознание, что я не первая, кто стоит у этого прилавка и сжимает в руке единственную на свете вещь, которую никому и ни за что не хотелось бы отдавать.

– У меня есть кое-что на продажу, – говорю я ему.

– Мне самому догадаться, что это?

– Ох! – Сглотнув, я вытаскиваю из кармана джинсов медальон, и сердечко падает на стеклянную стойку, его окружает лужица из цепочки. – Четырнадцатикаратное золото, – набиваю я цену. – Почти новый.

Это ложь; до сегодняшнего утра я не снимала медальон в течение семи лет. Отец дал его мне после забора костного мозга и сказал, что тот, кто делает своей сестре такой значительный подарок, должен получить что-нибудь взамен. Мне тогда было шесть. Я гляжу на свое украшение и чувствую холод – шея оголилась.

Продавец вставляет в глаз лупу, отчего тот кажется почти нормальным по размеру.

– Даю двадцать.

– Долларов?

– Нет, песо. Что думаешь?

– Она стоит в пять раз больше! – наугад говорю я.

– Не мне же нужны деньги, – пожимает плечами торгош.

Я беру медальон, покоровшись необходимости заключить невыгодную сделку, и – вот странность! – рука сжимается, как «челюсти жизни»². Лицо у меня краснеет от натуги, пока я пытаюсь отодрать пальцы от подвески. Кажется, проходит целый час, прежде чем сердечко с цепочкой падают в протянутую ладонь репоносого. Он смотрит на меня, и глаза его теплеют.

– Скажи, что потеряла ее, – дает он мне напоследок бесплатный совет.

Если бы мистер Уэбстер решил включить в свой словарь слово «фрик», Анна Фицджеральд была бы лучшим определением, которое он мог бы ему дать. Дело не только в том, как я выгляжу: тощая, как беженка, о грудях и говорить не приходится, волосы цвета грязи, на щеках веснушки, как в задании «соедини точки», и они, позвольте вам сказать, не блекнут ни от лимонного сока, ни от лосьонов против солнца, ни даже – печально, но факт – от наждачной бумаги. Нет,

---

² «Челюсти жизни» – гидравлический инструмент, используемый для извлечения жертв аварий из транспортных средств; по виду отдаленно напоминает клещи.

Господь в день моего рождения явно пребывал в каком-то особом настроении, потому что к этой сказочной комбинации физических черт добавил более широкую картину – семью, в которой я появилась на свет.

Родители пытались сделать так, чтобы жизнь шла нормально, но все относительно. Дело в том, что я никогда не была ребенком. По правде говоря, ни Кейт, ни Джесс тоже не были. Думаю, мой брат имел возможность наслаждаться солнечными денечками лет до четырех, пока Кейт не поставили диагноз, но с тех пор мы, беспрестанно оглядываясь через плечо, сломя голову неслись к взрослению. Знаете, многие дети представляют себя героями мультфильмов – думают, если им на голову упадет гигантский молот, они отлепят от асфальта и побегут дальше. Ну, я-то никогда в такое не верила. С чего бы мне верить, когда мы чуть не каждый день сажали Смерть за свой обеденный стол?

У Кейт острый промиелоцитарный лейкоз (ОПЛ). Вообще, это не совсем правда – прямо сейчас его у нее нет, он, как медведь, впал в спячку под ее кожей и дремлет, пока не решит вновь издать грозный рык. Диагноз Кейт поставили в два года; теперь ей шестнадцать. «Молекулярный рецидив», «гранулоцит» и «катетер» – слова из моего лексикона, хотя они не встречались ни в одном школьном проверочном тесте. Я аллогенный донор – прекрасный экземпляр для родной сестры. Когда Кейт нужны лейкоциты, или стволовые клетки, или костный мозг, чтобы создать иллюзию здоровья

у ее тела, я снабжаю сестру необходимым. Почти каждый раз, как Кейт отвозят в больницу, я оказываюсь там же.

Все это ровным счетом ничего не значит, только вы не верьте тому, что услышите обо мне, и меньше всего доверяйте тому, что скажу вам я сама.

Я поднимаюсь по лестнице, а из комнаты наверху выходит мама в очередном вечернем платье.

– Ах! – произносит она и поворачивается ко мне спиной. – Вот как раз девочка, которая мне нужна.

Застегиваю молнию и смотрю, как мама кружится. Она могла бы быть красавицей, если бы спустилась на парашюте в какую-нибудь другую жизнь. У нее длинные темные волосы и нежные ключицы, как у принцессы, но уголки рта всегда опущены вниз, будто она проглотила и усваивает какую-то плохую новость. Свободного времени у нее мало, ведь планы могут круто измениться, если у моей сестры вдруг появится синяк или потечет кровь из носа, но имеющееся она проводит на *Bluefly.com* – заказывает экстравагантные вечерние платья для дворцовых приемов, на которых никогда не бывает.

– Как тебе? – спрашивает мама.

Платье переливается всеми красками заката и сделано из ткани, которая шуршит при движении. Оно без бретелек, такое могла бы надеть кинозвезда, чтобы пройтись, качая бедрами, по красной ковровой дорожке. Полное противоречие дресс-коду загородного дома в Верхнем Дерби, Род-Айленд.

Мама скручивает волосы в узел и держит их рукой. На кровати лежат еще три платья: черное в обтяжку, в бусинах из стекла и одно на вид невероятно маленькое.

– Ты выглядишь...

Усталой. Слово пузырится у меня на губах.

Мама замирает, и я пугаюсь: неужели произнесла его невзначай? Она делает рукой знак, чтобы я замолчала, и направляет чуткое ухо в сторону двери.

– Ты слышала?

– Что?

– Кейт.

– Ничего я не слышала.

Но мама пропускает мое замечание, потому что, когда речь идет о Кейт, она никого не воспринимает. Решительным шагом поднимается по лестнице и открывает дверь в нашу спальню. Там моя сестра бьется в истерику на кровати, и тут мир снова рушится. Мой отец, кабинетный астроном, пытался объяснить мне, что такое черные дыры, какие они тяжелые и как им удастся затянуть в себя все, даже свет, прямо в центр. В такие моменты, как сейчас, возникает похожий вакуум. Не важно, за что ты цепляешься, тебя все равно засосет туда.

– Кейт! – Мама опускается на пол, дурацкая юбка облаком взвивается вокруг нее. – Кейт, дорогая, что болит?

Сестра прижимает к животу подушку, по ее лицу рекой текут слезы. Мокрые пряди светлых волос прилипли к ли-

цу; она тяжело дышит. Я замираю на пороге в ожидании инструкций: *«Позвони папе. Набери 911. Свяжись с доктором Чансом»*. Мама вытрясает из Кейт объяснение.

– Престон, – всхлипывая, бормочет та. – Он расстался с Сереной навсегда-а.

Только тут мы замечаем телевизор. На экране красавчик-блондин с тоской глядит на женщину, плачущую почти так же горько, как моя сестрица, а потом хлопает дверью.

– Но что у тебя болит? – не унимается мама, полагая, что причина рёва должна быть более серьезной.

– О боже мой! – сопя носом, изрекает Кейт. – Ты хоть представляешь, что пережили вместе Серена и Престон? А?

Кулак внутри меня разжимается, я понимаю, что все в порядке. Норма в нашем доме – нечто вроде слишком короткого одеяла: иногда оно накрывает тебя как надо, а в следующий раз ты трясешься под ним от холода, но хуже всего то, что ты никогда не знаешь, какое из двух состояний наступит. Я присаживаюсь на край кровати Кейт. Хотя мне всего тринадцать, я выше сестры, и люди то и дело принимают меня за старшую. Нынешним летом Каллахану, Уайатту и Лиаму, главным героям этой мыльной оперы, временами приходилось несладко. Теперь, похоже, настала очередь Престона.

– У них хотели похитить ребенка, – вступаю в разговор я.

Вообще-то, я следила за сюжетом. Кейт просила меня записывать пропущенные серии, когда ее забирали на диализ.

– И еще она чуть не вышла замуж за его брата-близнеца, –

добавляет сестра.

– Не забудь, как он погиб при столкновении лодок. Его не было два месяца, – включается в беседу мама, и я вспоминаю, что она тоже смотрела этот сериал, сидя с Кейт в больнице.

Тут Кейт замечает мамино платье:

– Что это на тебе надето?

– О! Я собираюсь его вернуть.

Она встает передо мной, чтобы я расстегнула молнию. Лихорадочные заказы товаров по почте для любой другой матери стали бы тревожным звоночком: пора обратиться за помощью! В случае с моей мамой такие заказы можно расценивать как здоровую передышку. Интересно, что ее так привлекает в этом процессе: возможность ненадолго надеть на себя чужую кожу или отослать назад обстоятельства, которые ей просто не подходят? Мама пристально смотрит на Кейт:

– Точно ничего не болит?

Когда она уходит, Кейт немного сникает. Иначе не описать, как краска сходит с ее лица, а сама она будто растворяется в подушке. По мере прогрессирования болезни моя сестра вся как-то блекнет, и я начинаю опасаться, что однажды проснусь и не смогу разглядеть ее.

– Подвинься! – приказывает Кейт. – Ты закрываешь экран.

Я пересаживаюсь на свою кровать:

– Там показывают анонсы.

– Ну, если я умру сегодня вечером, то хочу знать, что пропущу.

Я взбиваю подушки. Кейт, как обычно, поменяла их и забрала себе все мягкие, которые не сваливаются комками и не вызывают ощущения, что у тебя под шеей камни. Она считает себя вправе поступать так, потому что на три года старше меня, или потому что больна, или потому что Луна вошла в созвездие Водолея, – причина найдется всегда. Я прищуриваюсь, глядя в телевизор. Хотелось бы мне пощелкать каналы, но шансов нет, дело ясное.

– Этот твой Престон какой-то пластиковый.

– Тогда почему прошлой ночью я слышала, как ты шептала в подушку его имя?

– Заткнись! – говорю я.

– Сама заткнись! – Кейт улыбается. – Хотя он, вероятно, гей. Все напрасно, учитывая, что сестры Фицджеральд... – Она морщится и замолкает, не договорив.

Я перекаत्याюсь на бок:

– Кейт?

Она трет поясницу:

– Да ничего.

Это почки.

– Сходить за мамой?

– Пока не надо. – Она протягивает руку между нашими кроватями, которые стоят достаточно близко, чтобы мы могли прикоснуться друг к другу, если обе захотим. Я тоже

тянусь к ней. В детстве мы делали этот мост и проверяли, сколько Барби сможем на нем удержать.

Потом мне снились кошмары, будто меня разрезали на мелкие кусочки и обратно было никак не собрать, какая-нибудь часть терялась.

Отец говорит, что огонь сам угаснет, если не открывать окон и не добавлять топлива. Полагаю, именно этим я и занимаюсь, если разобраться. Папа еще говорит, когда языки пламени лизут тебе пятки, придется проломить стену, и даже не одну, если хочешь спастись. Так вот, когда Кейт засыпает, приняв лекарство, я вытаскиваю из-под матраса кожаную папку и уединяюсь в ванной. Знаю, Кейт за мной шпионит, — я зажала зубцами молнии красную нитку, чтобы узнать, роется ли кто-нибудь в моих вещах без разрешения, однако, хотя нитка оказалась порванной, внутри все цело. Пускаю в ванну воду, чтобы звук был такой, будто я заперлась здесь не без цели, сажусь на пол и считаю.

Если добавить двадцатку из ломбарда, у меня накопилось сто тридцать шесть долларов и восемьдесят семь центов. Этого недостаточно, но как-нибудь управлюсь. У Джесса тоже не было двух тысяч девятисот, когда он купил свой раздолбанный джип, ему выдали какой-то кредит в банке. Конечно, родители должны будут подписать бумаги, а я сомневаюсь, что они охотно сделают это ради меня, учитывая обстоятельства. Вторично пересчитываю деньги, вдруг купю-

ры чудесным образом размножились, но математика точна и скупа – общая сумма остается неизменной. А потом я читаю газетные вырезки.

Кэмпбелл Александер. По-моему, очень глупое имя. Звучит как название дорогого коктейля в баре или какой-нибудь брокерской фирмы. Однако послужной список этого человека впечатляет.

Чтобы попасть в комнату к брату, нужно выйти из дома, что ему очень нравится. Когда Джессу исполнилось шестнадцать, он перебрался на чердак над гаражом и прекрасно там устроился. Ему не хотелось, чтобы родители видели, чем он занимается, да они и сами не хотели на это смотреть. Ведущую вверх лестницу загораживают четыре зимние шины, невысокая стенка из картонных коробок и перевернутый набок дубовый стол. Иногда я думаю, Джесс специально выстроил эту преграду, чтобы до него труднее было добраться.

Перелезаю через этот завал и взбираюсь по лестнице, которая вибрирует от басов стереосистемы. Минут пять уходит на то, чтобы достучаться.

– Что? – рывкает Джесс, приоткрыв дверь.

– Можно войти?

После недолгого раздумья он отступает назад и впускает меня. В комнате – море грязной одежды, журналов и картонок от китайской еды навынос; пахнет, как от пропитанного потом хоккейного конька. Единственное опрятное место – это полка, где Джесс держит свою коллекцию: серебряная

эмблема «ягуара», символ «мерседеса», конь «мустанга» – украшения с капотов машин, которые, по его словам, он просто нашел, когда гулял, но я не настолько глупа, чтобы ему верить.

Не поймите меня неправильно – дело не в том, что мои родители не интересуются жизнью Джесса и тем, в какие неприятности он может вляпаться. У них просто не хватает времени вникать, ведь эта проблема вырезана где-то ниже на тотемном столбе.

Джесс, не обращая на меня внимания, возвращается к прерванному занятию и уходит в дальний конец своего хламовника. Я замечаю тиховарку, которая исчезла с кухни несколько месяцев назад. Теперь она стоит на телевизоре Джесса, в крышку вставлена медная трубочка, которая протекла сквозь наполненную льдом пластиковую бутылку от молока, из нее в стеклянную банку с жестяной крышкой и отверстием для соломинки капает какая-то жидкость. Джесс, может, и балансирует на границе преступного мира, но он великолепен. Я собираюсь потрогать эту затейливую конструкцию, но брат резко разворачивается и с криком:

– Эй! – прямо-таки перелетает через диван, чтобы отбить в сторону мою руку. – Змеевик испортишь.

– Это то, о чем я думаю?

По лицу брата расплзается гаденькая ухмылка.

– Зависит от того, что ты думаешь. – Он отсоединяет от устройства банку, теперь жидкость капает на пол. – Попро-

буй.

Для самогонного аппарата, сделанного с помощью слюны и клея, эта штука выдает довольно крепкий виски. Адское пойло обжигает желудок и ударяет по ногам, так что я падаю на диван, выдыхая:

– Ну и гадость!

Джесс хохочет и тоже делает глоток, в него эта отравка вливается легче.

– Так чего тебе от меня нужно?

– Откуда ты знаешь, что мне что-то нужно?

– Никто не приходит сюда со светскими визитами, – отвечает он, садясь на подлокотник дивана. – А если бы дело касалось Кейт, ты бы уже сказала.

– Это имеет отношение к Кейт. В своем роде. – Я вкладываю в руку брата газетные вырезки.

Они объяснят ему все лучше меня. Джесс проглядывает их, потом смотрит мне в глаза. У него глаза светло-светло-серебристые, это так удивительно, что иногда, когда встречаешься с ним взглядом, можно совершенно забыть, о чем хотела сказать.

– Анна, не нарушай работу системы, – с досадой произносит Джесс. – Мы все выучили свои роли наизусть. Кейт играет Мученицу, я – Безднадежный Случай, а ты, ты – Миротворицу.

Он думает, что знает меня, но про себя я могу сообщить то же, и когда наши мнения расходятся, Джесс не отступится.

Я смотрю на него в упор:

– Кто это сказал?

Джесс соглашается подождать меня на парковке. Это один из немногих случаев на моей памяти, когда он делает то, о чем я прошу его. Обхожу здание и оказываюсь у входа, который охраняют две горгульи.

Офис Кэмпбелла Александера, эсквайра, находится на третьем этаже. Стены отделаны деревянными панелями цвета шкуры гнедой кобылицы, а когда я ступаю на толстый восточный ковер, ноги утопают в нем на дюйм. Секретарша обута в туфли, такие сверкающие, что я могу разглядеть в них свое отражение. Смотрю на свои обрезанные шорты и кеды, которым я на прошлой неделе от скуки сделала татуировку фломастером.

У секретарши идеальная кожа, идеальные брови и медовые губы, которые она использует, чтобы орать на кого-то по телефону.

– С чего вы взяли, что я скажу это судье. То, что вы не хотите слушать вопли Клемана, не означает, что я должна... нет, вообще-то, это повышение оплаты связано с исключительностью работы, которую я выполняю, и с тем дерьмом, которое я разгребаю изо дня в день, и на самом деле, пока мы... – Она отнимает телефон от уха, мне удастся расслышать гудки – связь оборвалась. – Скотина! – бурчит секретарша и только тут замечает меня. – Что вам нужно?

Женщина окидывает меня взглядом с головы до ног, оценивает по шкале первого впечатления и заключает, что мой рейтинг крайне низок. Я приподнимаю подбородок и изображаю из себя крутую девчонку, хотя мне до этого далеко.

– У меня назначена встреча с мистером Александером. В четыре часа.

– Ваш голос, – говорит она. – По телефону мне не показалось, что вы так...

Юны?

Она неловко улыбается:

– Мы не занимаемся делами подростков, как правило. Если хотите, я могу дать вам контакты других практикующих адвокатов, которые...

Я делаю глубокий вдох.

– Вообще-то, – перебиваю ее, – вы ошибаетесь. Смит против Уэйтли, Эдмундс против Женской и детской больницы и Джером против Епархии Провиденса – все эти процессы включали в себя участников моложе восемнадцати лет. Все эти дела закончились вынесением вердиктов в пользу клиентов мистера Александера. И это только за три последних года.

Секретарша моргает. Потом ее лицо медленно озаряется улыбкой, будто она в конце концов решила, что я ей нравлюсь.

– А впрочем, почему бы вам не подождать в его кабинете? – предлагает она и встает, чтобы отвести меня туда.

Даже если весь остаток дней до последней минуты я проведу за чтением, все равно сомневаюсь, что мне удастся поглотить то количество книг, которые расставлены на разной высоте по стенам кабинета мистера Кэмпбелла Александера, эсквайра. Я прикидываю в уме: если на каждой странице примерно четыреста слов, а в каждой из этих книг с законами четыреста страниц, на каждой полке их двадцать, а в каждом шкафу шесть полок – ого, получается больше девятнадцати миллионов слов, и это только часть комнаты.

Я сижу в кабинете одна достаточно долго, чтобы заметить: на столе у хозяина такая чистота, что можно играть в китайский футбол³; нет ни одной фотографии – ни жены, ни детей, ни самого мистера Александера; и хотя комната безупречна, на полу почему-то стоит миска с водой.

Невольно принимаюсь искать объяснения: это бассейн для армии муравьев или что-то вроде примитивного увлажнителя воздуха? А может, мираж?

Почти убедив себя в правильности последнего, я нагибаюсь, чтобы потрогать сосуд-призрак и проверить, настоящий он или нет, но тут дверь распахивается. Я чуть не падаю со стула и оказываюсь нос к носу с входящей в комнату немецкой овчаркой, которая пронзает меня взглядом, подходит к

---

³ *Китайский футбол, или бумажный футбол*, – настольная игра; сложенный из бумаги уголок нужно щелчком пальцев забить в ворота, которые противник складывает из пальцев рук, соединив большие и выставив вверх указательные.

миске и начинает лакать из нее.

Кэмпбелл Александер тоже входит. У него черные волосы, а ростом он не ниже моего отца – шесть футов, прямоугольная челюсть и как будто заледеневшие глаза. Он скидывает пиджак и аккуратно вешает его на дверь с внутренней стороны, потом, прежде чем двинуться к столу, вытаскивает из шкафа папку.

– Мне не нужно печенье от девочек-скаутов, – говорит Кэмпбелл Александер. – Хотя ты получишь шоколадный кекс за стойкость. Ха! – Он смеется собственной шутке.

– Я ничего не продаю.

Хозяин кабинета с любопытством смотрит на меня, потом нажимает кнопку на телефоне.

– Керри, что это делает в моем кабинете? – спрашивает он, когда секретарша отвечает.

– Я здесь, чтобы нанять вас.

Адвокат отпускает кнопку громкой связи:

– Я так не думаю.

– Вы даже не знаете, в чем мое дело.

Я делаю шаг вперед, собака тоже. Только сейчас я замечаю, что на ней надета жилетка с красным крестом, как у сенбернаров, которые носили бочонки с ромом по заснеженным горам. Автоматически протягиваю руку, чтобы погладить пса.

– Не надо, – останавливает меня мистер Александер. –

Джадж⁴ – служебная собака.

Я опускаю руку:

– Но вы не слепой.

– Спасибо, что напомнила.

– Тогда что с вами?

Сказав это, тут же жалею. Но слово не воротишь. Разве я не слышала сотни раз, как бестактные люди задают тот же вопрос Кейт?

– У меня железное легкое, – вежливо отвечает Кэмпбелл Александер, – и собака оберегает меня, чтобы я не приближался к магнитам. А теперь, если ты окажешь мне честь и покинешь кабинет, моя секретарша подскажет тебе имя того, кто...

Но я пока не могу уйти.

– Вы и правда предъявляете иски Богу? – Я вытаскиваю газетные вырезки – все, что есть, – и расправляю их на пустом столе.

На щеке у адвоката дергается мускул, а потом он берет лежащую сверху статью.

– Я подавал в суд на диоцез Провиденса от лица одного ребенка из их сиротского дома, который нуждался в специальном лечении с применением эмбриональной ткани, а они считали такую терапию противоречащей решениям Второго Ватиканского собора. Тем не менее в газетном заголовке гораздо лучше написать, что девятилетний мальчик возбужда-

---

⁴ Кличка пса Джадж (англ. Judge) в переводе означает Судья.

ет процесс против Бога за то, что ему в жизни довелось вытянуть короткую спичку. – (Я молча смотрю на него.) – Дилан Джером, – добавляет адвокат, – хотел привлечь Бога к суду за то, что тот мало его любит.

Тут молния могла бы ударить в центр большого стола из красного дерева.

– Мистер Александер, – говорю я, – у моей сестры лейкемия.

– Очень грустно слышать это. Но даже если бы я снова захотел привлечь к ответственности Бога, а я этого делать не хочу, ты не можешь возбудить дело от имени и в интересах другого человека.

Так много всего нужно ему объяснить: как моя кровь по капле втекает в вены сестры; как медсестры укладывают меня на кушетку, чтобы проткнуть иглой и взять лейкоциты, которые пригодятся Кейт; как доктор говорит, что им не удалось с первого раза набрать сколько нужно. Синяки и боль глубоко в костях после того, как я отдаю свой костный мозг; уколы, от которых у меня должно стать больше стволовых клеток, чтобы хватило моей сестре. Тот факт, что я не болею, но как будто больна. Тот факт, что меня родили по одной-единственной причине: чтобы я была донором для сестры. Тот факт, что даже сейчас, когда принимается важнейшее решение относительно меня, никто не подумал спросить мнение человека, который больше всего заслуживает, чтобы его выслушали.

Слишком много всего нужно объяснять, а потому я стараюсь выразиться как можно короче и говорю:

– Нет, дело не в Боге, а в моих родителях. Я хочу привлечь их к суду за то, что они распоряжаются моим телом как хотят.

Кэмпбелл

Если у вас есть только молоток, все вокруг напоминает гвоздь.

Так, бывало, говорил мой отец, первый Кэмпбелл Александер. По-моему, это краеугольный камень американской системы правосудия. Проще говоря, люди, которых загнали в угол, сделают все, лишь бы пробиться обратно в центр. Для одних это означает раздавать тумаки направо и налево, для других – возбуждать судебные тяжбы. И последним я особенно благодарен.

На краю стола лежат переданные мне сообщения – Керри все сделала так, как я люблю: срочные на зеленых бумажках, менее неотложные – на желтых, ровными колонками, как карты в пасьянсе. Глаз выхватывает один телефонный номер, и я хмурюсь, перемещая зеленый листок к желтым. *«Ваша мать звонила четыре раза!!!»* – написала Керри. Немного подумав, я разрываю эту бумажку пополам и отправляю в мусорную корзину.

Сидящая напротив девочка ждет ответа, который я не спешу давать. Она говорит, что хочет привлечь к суду своих родителей, как почти каждый подросток на планете. Но она готова сделать это, отстаивая право на собственное тело. Таких дел, когда требуется затратить слишком много усилий и нянчиться с клиентами, я стараюсь избегать, как чумы. Со

ВЗДОХОМ встаю:

– Как, ты сказала, тебя зовут?

– Я не говорила. – Она немного подбирается. – Анна Фицджеральд.

Открываю дверь и громко кричу секретарше:

– Керри! Не могла бы ты принести мисс Фицджеральд номер телефона Центра планирования семьи.

– Что? – (Я оборачиваюсь, девочка вскочила с места.) – Планирование семьи?

– Слушай, Анна, вот тебе мой совет. Возбуждать дело против родителей за то, что они не позволяют тебе принимать противозачаточные таблетки или сделать аборт, – это все равно что пытаться убить комара кувалдой. Ты можешь сэкономить свои карманные деньги и сходить в Центр планирования семьи. Они гораздо лучше помогут справиться с твоими проблемами.

Впервые после того, как вошел в кабинет, я по-настоящему смотрю на свою гостью. Вокруг нее наэлектризованным облаком вихрится гнев.

– Моя сестра умирает, и мама хочет, чтобы я отдала ей почку, – горячится она. – Мне почему-то кажется, что горсть презервативов не решит эту проблему.

Знаете, как часто бывает: жизнь вытягивается перед тобой, как дорога с развилкой, и, выбирая одну из них, ты продолжаешь коситься на другую и думать, не совершил ли ошибку. Подходит Керри, в руке у нее – листок бумаги с но-

мером телефона, но я закрываю дверь, не взяв его, и возвращаюсь к столу.

– Никто не может заставить тебя отдать свой орган, если ты этого не хочешь.

– Правда? – Девочка слегка наклоняется вперед и производит подсчет, загибая пальцы. – В первый раз я отдала сестре пуповинную кровь сразу после рождения. У Кейт лейкемия – ОПЛ, – и благодаря моим клеткам у нее наступает ремиссия. В следующий раз, когда она заболела, мне было пять, и у меня брали лимфоциты, три раза, потому что врачам никогда не удается сразу взять сколько нужно. Когда это перестало помогать, у меня взяли для трансплантации костный мозг. Если Кейт подцепляет какую-нибудь инфекцию, мне приходится отдавать ей гранулоциты. Потом она снова заболела, и я должна была дать ей стволовые клетки периферической крови.

Медицинский вокабулярий этой малышки заставил бы устыдиться некоторых моих платных экспертов. Я вынимаю из ящика стола блокнот:

– Очевидно, до сих пор ты соглашалась быть донором для сестры.

Девочка мнетя, потом качает головой:

– Никто меня не спрашивал.

– Ты говорила родителям, что не хочешь отдавать почку?

– Они меня не слушают.

– Может быть, стоит попробовать сказать.

Она опускает голову, волосы свешиваются на лицо.

– Они меня вообще не замечают, пока им не понадобится моя кровь или еще что-нибудь. Меня бы и на свете не было, если бы Кейт не заболела.

Наследник и резерв: такого обычая придерживались мои английские предки. Звучит бессердечно – заводить следующего ребенка на случай, если первый умрет, – тем не менее когда-то это считалось чрезвычайно практичным. Этой девочке, вероятно, не слишком приятно сознавать, что ее произвели на свет с умыслом, но правда состоит в том, что детей сплошь и рядом заводят по совершенно нелепым причинам: чтобы склеить разваливающийся брак, чтобы не пропало семейное имя, чтобы воспроизвести родительский образ.

– Они родили меня, чтобы я могла спасти Кейт, – объясняет Анна. – Ходили к разным врачам и все такое и выбрали эмбрион, который лучше всего подходил по генетике.

В школе права нам читали курсы по этике, но студенты относились к ним как к проходным, оксюморонам, я обычно их пропускал. Однако любой, кто периодически смотрит Си-эн-эн, знает, какие противоречия вызывают исследования стволовых клеток. Дети-запчасти, сконструированные младенцы, наука, нацеленная в завтра во имя спасения живущих сегодня.

Я постукиваю ручкой по столу, и Джадж – мой пес – бочком подходит ближе.

– Что случится, если ты не отдашь сестре почку?

– Она умрет.

– И тебя это не волнует?

Губы Анны вытягиваются в струнку.

– Я ведь пришла сюда, верно?

– Да, пришла. Я пытаюсь понять, что заставило тебя на конец топнуть ногой после всего пережитого.

Она обводит взглядом книжные полки и отвечает просто и ясно:

– То, что это никогда не прекратится. – Вдруг, будто о чем-то вспомнив, засовывает руку в карман и кладет мне на стол кучку смятых банкнот. – Не беспокойтесь, я вам заплачу. Здесь сто тридцать шесть долларов и восемьдесят семь центов. Я знаю, этого мало, но придумаю, как достать больше.

– Я беру по две сотни за час.

– Долларов?

– Вампум не засунешь в банкомат.

– Может, я буду гулять с вашей собакой или еще что?

– Служебных собак выгуливают хозяева. – Я пожимаю плечами. – Мы что-нибудь устроим.

– Но вы не можете быть моим адвокатом бесплатно, – настаивает девочка.

– Ну ладно, ты можешь начистить у меня в кабинете дверные ручки. – Не то чтобы я склонен к благотворительности, скорее, дело в том, что с точки зрения закона это дело бесприкрытое: девочка не хочет отдавать почку; ни один су-

дья в здравом уме не станет принуждать ее к этому; мне не придется заниматься изучением прецедентов; родители отступятся еще до суда, и процесс будет выигран. Плюс этот случай обеспечит мне внимание со стороны прессы, и я на десять лет вперед выполняю свою долю работы ради общественного блага. – Я составляю для тебя заявление в суд по семейным делам, и мы получим для тебя медицинскую эмансипацию – законный выход из-под родительской опеки по вопросам, связанным со здоровьем.

– А что потом?

– Состоится слушания, и судья назначит тебе опекуна, который...

– ...является человеком, обученным работе с детьми в семейном суде, действует в интересах ребенка и определяет, что для него лучше, – цитирует Анна. – Или, другими словами, появится еще один взрослый, который будет решать мою судьбу.

– Ну, так работает закон, и этого тебе не избежать. Но опекун теоретически заботится о твоих интересах, а не о твоей сестре или родителях.

Девочка наблюдает, как я делаю заметки в блокноте.

– Вам не мешает, что ваше имя перепутано?

– Как это? – Я перестаю писать и смотрю на нее.

– Кэмпбелл Александер. Ваша фамилия – это имя, а имя – фамилия. – Она замолкает. – Мешанина какая-то.

– И это как-то влияет на суть твоего дела?

– Нет, – признает Анна, – просто родители приняли за вас не слишком удачное решение.

Я протягиваю ей свою визитную карточку:

– Будут вопросы, звони.

Она берет карточку и проводит пальцами по выпуклым буквам моего имени. Моего перепутанного имени. Слава тебе господи! Потом девочка наклоняется над столом, берет мой блокнот и отрывает нижнюю часть листа. Взяв у меня ручку, пишет что-то на обрывке и возвращает его мне. Я смотрю на бумажку:

Анна 555-3211 ♥

– Если у вас появятся вопросы, – говорит она.

Когда я выхожу в приемную, Анны там уже нет. Керри сидит за столом, на котором по-орлиному расправил крылья страниц какой-то каталог.

– Ты знал, что холщовые сумки от «Л. Л. Бин» использовали для переноски льда?

– Да.

А еще для водки и «Кровавой Мэри». Тащили их из коттеджа на пляж каждое воскресное утро. Это напоминает мне о звонке матери.

У Керри есть тетка, которая зарабатывает на жизнь экстрасенсорикой, и эта генетическая предрасположенность то и дело просыпается в моей секретарше. Или, может, она просто уже так давно работает у меня, что знает большую часть

моих секретов. В любом случае ей известно, о чем я думаю.

– Она говорит, что твой отец связался с семнадцатилетней, и слова «приличия» нет в его лексиконе, и что она переедет жить в «Сосны», если ты не позвонишь ей до... – Керри смотрит на наручные часы. – Упс!

– Сколько раз она угрожала покончить с собой на этой неделе?

– Всего три.

– Мы еще не достигли среднего уровня. – Я склоняюсь над столом и закрываю каталог. – Пора зарабатывать средства к существованию, мисс Донателли.

– В чем дело?

– Эта девочка, Анна Фицджеральд...

– Планирование семьи?

– Не совсем, – говорю я. – Мы будем представлять ее интересы. Мне нужно продиктовать тебе ходатайство о медицинской эмансипации, чтобы завтра подать его в суд по семейным делам.

– Да иди ты! Ты будешь представлять ее?

Я кладу руку на сердце:

– Меня ранит, что ты так плохо обо мне думаешь.

– Вообще-то, я думала о твоём бумажнике. Ее родители знают?

– Завтра узнают.

– Ты полный идиот?

– Прости?

– Где она будет жить? – качает головой Керри.

Замечание секретарши вынуждает меня остановиться. Об этом я как-то не подумал. А ведь девочке, которая возбуждает дело против родителей, будет не особенно комфортно оставаться жить под их крышей, когда им вручат повестки.

Вдруг у моих ног оказывается Джадж, тычется носом мне в бедро. Я раздраженно качаю головой. Порядок есть порядок.

– Дай мне пятнадцать минут, – говорю я Керри. – Позволю, когда буду готов.

– Кэмпбелл, – с нажимом произносит непреклонная секретарша, – ты ведь не думаешь, что девочка будет сама себя защищать.

Я возвращаюсь в кабинет. Джадж идет следом, останавливается, едва переступив порог.

– Это не моя проблема, – отвечаю я, закрываю дверь, запираю ее и жду.

Сара

1990 год

Синяк размером и формой напоминает лист клевера с четырьмя пластинками, он появился прямо между лопаток у Кейт. Заметил его Джесс, пока они вдвоем сидели в ванне.

– Мама, это значит, что она счастливая? – спрашивает он.

Сперва я пробую оттереть пятно, решив, что это грязь, но ничего не выходит. Двухлетняя Кейт, объект пристрастного изучения, смотрит на меня ярко-голубыми глазами.

– Больно? – спрашиваю я, а она качает головой.

Где-то позади меня в коридоре Брайан рассказывает, как прошел день. От него немного пахнет табаком.

– И вот этот парень купил коробку дорогих сигар, – говорит он, – и застраховал ее от пожара на пятнадцать тысяч долларов. А дальше страховая компания получает заявление, что все сигары уничтожены серией маленьких пожаров.

– Он их выкурил? – спрашиваю я, смывая мыло с волос Джесса.

Брайан опирается плечом на дверной косяк:

– Да. Но судья вынес решение, что компания дала гарантию на страховую защиту сигар от огня, не упомянув, от ка-

кого именно.

– Эй, Кейт, а так тебе больно? – спрашивает Джесс и сильно давит большим пальцем на синяк между лопаток сестры.

Кейт воет, дергается и обливает меня водой из ванны. Я вытаскиваю ее, скользкую, как рыбешка, и передаю Брайану. Светлые головки склоняются друг к другу, они как из одного набора. Джесс больше похож на меня – худой, смуглый, задумчивый. Брайан говорит, это дает нам ощущение целостности семьи, у каждого есть свой клон.

– Быстро вылезай из ванны! – командую я Джессу.

Четырехлетний малыш встает, с него течет вода, как из шлюза. Перелезая через широкий край ванны, он поскользывается, сильно стучается коленкой и поднимает рев.

Я закутываю Джесса в полотенце, успокаиваю его и одновременно пытаюсь продолжить разговор с мужем. Это язык брака: азбука Морзе, прерываемая купаниями в ванной, обедами и сказками на ночь.

– Так кто тебя вызвал в суд? – спрашиваю я Брайана. – Защитник?

– Обвинитель. Страховая компания выплатила деньги, а потом потребовала ареста своего клиента за двадцать четыре поджога. Мне пришлось выступить в роли эксперта.

Брайан много лет проработал пожарным, он может войти в сгоревшее здание и найти место, откуда начался пожар: где был брошен окурок или оголилась проводка. Каждый крупный пожар начинается с тлеющего уголька. Нужно только

знать, где и что искать.

– Судья закрыл дело?

– Судья дал ему по году двадцать четыре раза, – отвечает Брайан, ставит Кейт на пол и начинает одевать ей через голову кофточку от пижамы.

В прежней жизни я была адвокатом по гражданским делам. В какой-то момент я и правда считала, что это то, чем я хочу заниматься, кем хочу быть. А потом делавшая первые шаги малышка преподнесла мне букетик смятых фиалок, и я поняла, что улыбка ребенка – она как искусная татуировка, которую ничем не стереть из памяти.

Мою сестру Сюзанн это сводит с ума. Она первоклассный финансист, пробила стеклянный потолок⁵ в Бостонском банке, а я, по ее словам, поругание эволюции мозга. Но по-моему, половина битвы выиграна, если понять, что хорошо для тебя, и я гораздо лучше чувствую себя в роли матери, чем адвоката. Иногда мысленно удивляюсь: неужели я одна такая или есть другие женщины, которые, никуда не двигаясь, разобрались, где им следует быть?

Я отрываюсь от вытирания Джесса, заметив на себе взгляд Брайана.

– Ты скучаешь по работе, Сара? – тихо спрашивает он.

Заворачиваю нашего сына в полотенце, целую в макушку

---

⁵ Выражение «стеклянный потолок» стали использовать в гендерных исследованиях в 1980-е для описания никак формально не обозначенного невидимого барьера, препятствующего продвижению женщин по карьерной лестнице.

и говорю:

– Так же, как по прочистке зубных каналов.

Утром, когда я просыпаюсь, Брайан уже ушел на работу. У него два дня дневные смены, потом два дня ночные, а затем четыре выходных, после чего цикл начинается заново. Глянув на будильник, я понимаю, что уже десятый час. Ого! Но еще удивительнее то, что дети меня не разбудили. Накинув халат, я сбегая вниз по лестнице и вижу Джесса, который играет в кубики на полу.

– Я позавтракал, – сообщает он, – и тебе кое-что приготовил.

Естественно, весь кухонный стол заляпан кашей, а под шкафчиком, где хранятся хлопья, стоит устрашающе расшатанный стул. От холодильника к тарелке ведет молочная дорожка.

– Где Кейт?

– Спит, – отвечает Джесс. – Я пытался растолкать ее.

Мои дети – естественный будильник. Кейт заспалась. Я вспоминаю, что вчера она хлюпала носом, может, потому к вечеру и была такой вялой? Я поднимаюсь вверх, громко зову дочку по имени. Она перекатывается ко мне в кровать, выплывая из темноты, чтобы сфокусироваться на моем лице.

– Поднимайся и свети. – Я открываю шторы, солнечные лучи расплываются по одеялу. Сажаю Кейт и глажу ее по спинке.

– Давай одеваться, – говорю я и через голову снимаю с дочки верх пижамы.

Вдоль ее позвоночника тянется цепочка синяков, напоминающая нитку бус из синих камушков.

– Это анемия? – спрашиваю я педиатра. – У детей в ее возрасте не бывает моно⁶, правда?

Доктор Уэйн снимает стетоскоп от узкой груди Кейт и опускает вниз розовую кофточку.

– Это может быть вирус. Я бы хотел взять у нее кровь и сделать анализы.

Джесс, терпеливо игравший с солдатиком без головы, при этих словах вскидывается.

– Знаешь, как берут кровь, Кейт?

– Фломастерами?

– Иглами. Огромными, длинными, их втыкают, как укол...

– Джесс! – одергиваю я сына.

– Укол?! – вскрикивает Кейт. – Ой!

Дочка, которая доверяет мне, когда нужно узнать, в какой момент безопасно переходить дорогу, ждет, пока я не нарежу мясо мелкими кусочками, и полагается на мою защиту от всех ужасных вещей вроде крупных собак, темноты и громких хлопшек, выжидательно смотрит на меня.

---

⁶ *Моно* – инфекционный моноклеоз, или ангина моноцитарная; острое вирусное заболевание.

– Совсем небольшой, – обещаю я.

Когда в кабинет заходит медсестра с подносом, шприцами, пробирками и резиновыми жгутами, Кейт начинает кричать. Я набираю в грудь воздуха.

– Кейт, посмотри на меня. – (Крики стихают и превращаются в легкую икоту.) – Это будет всего лишь небольшой укол.

– Обманщица, – бурчит себе под нос Джесс.

Кейт расслабляется, совсем немного. Медсестра укладывает ее на кушетку и просит меня подержать девочку за плечи. Я смотрю, как игла пронзает белую кожу, слышу резкий крик, но кровь не течет.

– Прости, дорогая, – говорит сестра. – Я попытаюсь еще раз. – Она вытаскивает иглу и снова колет Кейт, которая вопит громче.

Пока наполняются первая и вторая пробирки, Кейт борется, к третьей обмякает. Я не знаю, что хуже.

Мы ждем результаты анализа крови. Джесс лежит на животе на ковре в приемной и подцепляет бог весть какую заразу от всех больных детей, которые прошли через это помещение. Я хочу, чтобы вышел педиатр, сказал, что я могу забрать Кейт домой, порекомендовал поить ее апельсиновым соком и махнул перед моим носом рецептом на «секлор», как волшебной палочкой.

Проходит час, прежде чем доктор Уэйн снова вызывает

нас в свой кабинет.

– С анализами Кейт возникли небольшие проблемы, – говорит он. – В особенности с количеством белых кровяных телец. Их меньше нормы.

– Что это значит? – В этот момент я проклиная себя за то, что училась на юриста, а не на медика. Пытаюсь вспомнить, за что отвечают белые кровяные тельца.

– У нее может быть какой-то вид иммунодефицита. Или произошла лабораторная ошибка. – Он трогает волосы Кейт. – Пожалуй, чтобы точно все проверить, я пошлю вас к гематологу в больницу, там сделают повторные анализы.

Я думаю: «Вы, наверное, шутите». Но вместо этого автоматически протягиваю руку и беру листок бумаги, который дает мне доктор Уэйн. Не рецепт, как я надеялась, а имя.

Илеана Фаркад, больница Провиденса, гематология/онкология.

– Онкология. – Я качаю головой. – Но это же рак.

Я жду, что доктор Уэйн заверит меня, мол, это всего лишь часть названия специальности врача, объяснит, что лаборатория крови просто располагается в онкологическом центре, ничего больше.

Он этого не делает.

Диспетчер пожарной станции сообщает, что Брайан уехал по медицинскому вызову с машиной службы спасения минут двадцать назад. Я медлю, смотрю на Кейт, которая вяло си-

дит на одном из пластиковых стульев в больничной комнате ожидания. Медицинский вызов.

В нашей жизни наступают переломные моменты, когда мы принимаем важнейшие решения, сами того не понимая. К примеру, остановившись на красный свет, просматриваем газетные заголовки и упускаем момент для перехода, когда на зебру выскакивает шальной грузовик и сбивает пешеходов. Входим в кафе просто так, по капризу, и встречаем там человека, за которого потом выходим замуж, но в тот момент он стоит у кассы и выуживает из карманов мелочь, чтобы расплатиться. Или как сейчас: я вдруг решаю попросить мужа, чтобы он срочно приехал, когда много часов убеждала себя, что беспокоиться не о чем.

– Свяжитесь с ним по рации, – говорю я. – Скажите, что мы в больнице.

Мне спокойнее, когда Брайан рядом, как будто мы с ним теперь пара часовых, двойная линия обороны. В больнице Провиденса мы проводим три часа, и с каждой минутой становится все труднее обманывать себя и верить в то, что доктор Уэйн ошибся. Джесс уснул на пластиковом стуле. Кейт перенесла еще один травматический забор крови и рентген грудной клетки, потому что я упомянула о ее простуде.

– Пять месяцев, – осторожно говорит Брайан сидящему перед ним врачу-стажеру с планшетом, потом смотрит на меня. – Тогда она упала?

– Думаю, да.

К этому моменту врач расспросил нас обо всем, начиная с того, во что мы были одеты в тот вечер, когда зачали Кейт, до того, в какой момент ей впервые удалось правильно взять в руку ложку.

– Ее первое слово? – спрашивает врач.

– Папа, – улыбается Брайан.

– Я имею в виду когда.

– Ох! – Муж хмурится. – По-моему, ей тогда было чуть больше года.

– Простите, – вмешиваюсь я, – не могли бы вы объяснить, какое все это имеет значение?

– Это просто медицинская история, миссис Фицджеральд. Мы хотим узнать о вашей дочери как можно больше, чтобы разобраться, что с ней происходит.

– Мистер и миссис Фицджеральд? – К нам подходит молодая женщина в белом халате. – Я флеботомист. Доктор Фаркад хочет, чтобы я сделала Кейт анализ на свертываемость крови.

При звуке своего имени сидящая у меня на коленях Кейт моргает, глядит на белый халат и прячет кулачки в рукава кофты.

– А вы не можете просто уколоть ей пальчик?

– Нет, это, вообще-то, самый простой способ.

Вдруг я вспоминаю, как, когда была беременна Кейт, она икала. Тогда у меня часами дергался живот. Каждое произ-

водимое ею движение, даже едва заметное, вызывало у меня мышечный ответ, который я не могла контролировать.

– Вы думаете, я хочу это услышать? – тихо говорю я. – Когда вы заходите в кафетерий и просите кофе, приятно ли вам будет получить вместо этого колу, потому что это проще? Если расплачиваетесь кредитной картой, понравится ли вам предложение выгрести из карманов наличные, потому что с картой слишком много возни?

– Сара... – Голос Брайана как дующий вдалеке ветер.

– Думаете, мне легко сидеть здесь с ребенком и не иметь представления, что происходит и зачем вы делаете все эти анализы? Думаете, это легко для нее? С каких пор у кого-то есть право делать то, что проще?

– Сара... – Только когда на мое плечо ложится рука Брайана, я понимаю, как сильно дрожу.

Еще мгновение, и женщина быстро уходит, каблуки стучат по кафельному полу. Как только она скрывается из виду, я сникаю.

– Сара, что с тобой? – спрашивает Брайан.

– Что со мной? Я не знаю, Брайан, потому что никто не говорит нам, что случилось с...

Он обнимает меня, зажав между нами Кейт, как вздох, и говорит:

– Ш-ш-ш.

Он шепчет мне, что все будет хорошо, и впервые в жизни я ему не верю.

Вдруг в комнату заходит доктор Фаркад, которую мы не видели несколько часов.

– Мне сказали, что возникли некоторые проблемы с коагуляционной панелью. – Она ставит перед нами стул. – Полный анализ крови Кейт дал аномальные результаты. Уровень лейкоцитов очень низкий – 1,3. Гемоглобин – 7,5, гематокрит – 18,4, тромбоциты – 81 000, нейтрофилы – 0,6. Такие показатели иногда свидетельствуют о наличии аутоиммунного заболевания. Но у Кейт также отмечено двенадцать процентов промиелоцитов и пять процентов бластов, и это вынуждает предполагать лейкемический синдром.

– Лейкемический, – повторяю я.

Слово студенистое, скользкое, как яичный белок.

Доктор Фаркад кивает:

– Лейкемия – это рак крови.

Брайан молча смотрит на нее, не отрывая взгляда:

– Что это значит?

– Представьте, что костный мозг – это центр детского здоровья, ответственный за развитие клеток. В здоровом теле клетки крови остаются в костном мозге, пока не созреют для того, чтобы выйти наружу и бороться с болезнями, свертываться, нести кислород и делать все прочее, для чего они нужны. У человека с лейкемией двери центра детского здоровья открываются слишком рано. Несозревшие клетки крови циркулируют по телу, не способные выполнять свою работу. Бывает, промиелоциты обнаруживаются в анализе крови,

но когда мы посмотрели на кровь Кейт под микроскопом, то увидели аномалии. – Она смотрит по очереди на каждого из нас. – Нужно будет провести пункцию костного мозга, чтобы подтвердить это, но, похоже, у Кейт острый промиелоцитарный лейкоз.

Мой язык пригвожден к месту тяжестью вопроса, который через мгновение выдавливает из себя Брайан.

– Она... она умрет?

Мне хочется встряхнуть доктора Фаркад. Сказать, что я сама выдавлю кровь из руки Кейт для коагуляционной панели, если после этого она возьмет свои слова обратно.

– ОПЛ – очень редкая подгруппа миелоидной лейкемии. За год такой диагноз ставят примерно тысяче двумстам больных. Из них выживают от двадцати до тридцати процентов, если лечение начать немедленно.

Цифры я выкидываю из головы, а вместо этого вцепляюсь зубами в окончание фразы.

– Есть лечение.

На прошлой неделе я стояла в дверях спальни Кейт и смотрела, как она прижимает к себе во сне игрушечное атласное одеяльце – кусочек ткани, с которым почти никогда не расставалась. «Помяни мое слово, – шепнула я Брайану, – она никогда его не бросит. Мне придется вшить этот клочок в ее свадебное платье».

– Нам потребуется сделать забор костного мозга. Мы дадим ей легкий общий наркоз. И сделаем коагуляционную па-

нель, пока девочка спит. — Доктор сочувственно наклоняется к Кейт. — Ты должна знать, что дети преодолевают трудности. Каждый день.

— Ладно, — говорит Брайан и потирает руки, будто разогревается перед футбольным матчем. — Хорошо.

Кейт поднимает голову с моей груди. Щеки у нее горят, выражение лица настороженное.

Это ошибка. Нет, не ее несчастливую пробирку с кровью исследовали врачи. Посмотрите на мою девочку, как сияют ее пушистые кудряшки, как порхает на губах, будто бабочка, ее улыбка. Разве так выглядит умирающий ребенок?

Я знала ее всего два года. Но если взять все воспомина-ния и выстроить их одно за другим, получится бесконечная линия.

Они свернули простыню и положили ее под живот Кейт. Они прилепили мою дочку к операционному столу двумя длинными полосками пластыря. Одна сестра гладит Кейт по руке, хотя девочка уже заснула под наркозом. Ее поясница обнажена, чтобы игла вонзилась в подвздошный гребень и вытянула костный мозг.

Когда лицо Кейт аккуратно поворачивают в другую сторону, бумажная салфетка под ее щекой мокра. От своей дочери я узнала, что плакать можно и во сне.

По дороге домой меня поражает мысль, что весь мир — на-

дувной; деревья, трава и дома могут лопнуть, стоит кольнуть их иглой. Появляется ощущение, что, если я сверну влево и врежусь в ограду детской площадки, сделанную из пластикового штакетника, то она откинет нас назад, как резиновый отбойник.

Мы обгоняем грузовик. На борту написано: «Похоронная компания Батшелдер. Води аккуратно». Это ли не конфликт интересов?

Кейт сидит в своем автомобильном креслице и ест крекеры в форме зверюшек.

– Играй! – командует она.

Отраженное в зеркале заднего вида, ее лицо светится. «Предметы ближе, чем кажутся». Я смотрю, как она поднимает вверх первую печенюку.

– Как говорят тигры? – завожу я разговор.

– Рррр. – Она откусывает ему головку и берет второй крекер.

– А как говорит слон?

Кейт хихикает и изображает, что трубит носом.

Я думаю, вдруг это случится с ней во сне? Или когда она расплачется? Будет ли у нас добрая сиделка, которая сделает что-нибудь для облегчения боли? Я предвижу смерть своей дочери, а та весело смеется в паре футов от меня.

– Жираф как говорит? – спрашивает она. – Жираф?

Ее голос, в нем звучит будущее.

– Жирафы никак не говорят, – отвечаю я.

– Почему?

– Такие уж они уродились, – говорю я, и горло у меня перехватывает.

Только я возвращаюсь от соседки, договорившись, чтобы она присмотрела за Джессом, пока мы заняты Кейт, как звонит телефон. У нас нет заведенных правил на такие случаи. Няньки, бывавшие в нашем доме, учатся в старшей школе; все бабушки и дедушки умерли; мы никогда не имели дела с профессионалами по уходу за детьми: заботиться о малышах – моя работа.

Я захожу на кухню. Брайан уже полностью погружен в разговор со звонящим. Провод телефона пуповиной закручен вокруг его коленей.

– Да, – говорит он, – трудно поверить. В этом сезоне я ни одной игры не видел... Не важно, раз они его продали. – Он встречается со мной взглядом, а я ставлю на плиту чайник. – О, Сара отлично. А дети, о-хо, они в порядке. Точно. Передавай привет Люси. Спасибо, что позвонил, Дон. – Брайан вешает трубку и поясняет: – Дон Турман. Из пожарной академии, помнишь? Отличный парень.

Он смотрит на меня, и добрая улыбка постепенно сползает с его лица. Чайник свистит, но ни один из нас не двигается, чтобы снять его с горелки. Я гляжу на мужа, скрестив руки.

– Я не могу, – тихо говорит он. – Сара, я просто не могу.

Ночью в постели Брайан походит на обелиск, вырисовывающийся во тьме. Хотя мы не говорили несколько часов, я знаю, что ему не до сна, как и мне.

Это происходит с нами, потому что на прошлой неделе я кричала на Джесса, и вчера, и вот только что. Это происходит, потому что я не купила Кейт «Эм-энд-эмс», который она просила в магазине. Это происходит, потому что однажды, всего на миг, я задалась вопросом, какой была бы моя жизнь, если бы у меня не было детей. Это происходит оттого, что я не понимаю, как хорошо, что они у меня есть.

– Ты думаешь, это случилось с ней из-за нас? – спрашивает Брайан.

– Из-за нас? – Я поворачиваюсь к нему. – Как это?

– Ну, из-за наших генов. Понимаешь? – (Я не отвечаю.) – В больнице Провиденса сплошные неучи, – горячо говорит он. – Помнишь, как сын моего начальника сломал левую руку, а ему наложили гипс на правую?

Я снова устремляю взгляд в потолок и говорю громче, чем собиралась:

– Просто чтобы ты знал: я не дам Кейт умереть.

Рядом со мной раздается какой-то ужасный звук – раненый зверь, вздох захлебывающегося человека.

Потом Брайан прижимается лицом к моему плечу, всхлипывает. Он обхватывает меня рукой и крепко прижимает к себе, будто теряет равновесие.

– Не дам, – повторяю я, но при этом мне самой кажется,

что переигрываю.

Брайан

С повышением температуры на каждые девятнадцать градусов огонь разгорается, увеличивается в два раза. Вот о чем я думаю, глядя, как искры тысячей звезд вылетают из печной трубы крематория. Декан медицинского факультета Университета Брауна заламывает руки, стоя рядом со мной. Я потею в своей тяжелой куртке.

Мы приехали на машине с оборудованием, привезли пожарную лестницу, вызвали спасательный грузовик. Осмотрели здание со всех сторон. Убедились, что внутри никого нет. Ну, кроме тела, застрявшего в печи, отчего все и случилось.

– Это был крупный мужчина, – говорит декан. – Мы всегда так делаем после занятий по анатомии.

– Эй, капитан! – кричит Паули, сегодня он главный оператор насосной установки. – Рэд подключился к гидранту. Вы хотите, чтобы я пустил воду?

Я пока не уверен, что буду использовать шланг. Температура в топке для сжигания останков достигает до 1600 градусов по Фаренгейту. Пламя горит и над, и под телом.

– Ну? Вы собираетесь что-нибудь предпринять? – интересуется декан.

Это главная ошибка, которую совершают новички: они считают, что для борьбы с огнем нужно ринуться на него со

струей воды. Иногда от этого становится только хуже. В данном случае такой подход приведет к тому, что опасные отходы биологических исследований разлетятся по всей округе. Я думаю, нам нужно держать топку закрытой и не допустить, чтобы пламя вырвалось в трубу. Огонь не может гореть вечно. В конце концов он поглощает сам себя.

– Да, – отвечаю я декану, – собираюсь смотреть и ждать.

Работая в ночную смену, я обедаю дважды. В первый раз рано, дома с семьей, чтобы мы могли посидеть вместе за столом. Сегодня вечером Сара приготовила ростбиф. Блюдо стояло на столе, напоминая спящего ребенка, а она звала нас есть.

Кейт первая влезает на свой стул.

– Привет, малышка, – говорю я, пожимая ей руку; Кейт улыбается мне, но ее глаза смотрят серьезно. – Чем ты занималась?

– Спасала страны Третьего мира, расщепила несколько атомов и закончила читать Великий американский роман. В перерывах между диализом, разумеется, – отвечает она, гоня по тарелке фасолینی.

– Разумеется.

Сара поворачивается, размахивая ножом.

– Что бы я ни сделал, – говорю я, отстраняясь от нее, – прошу прощения.

Жена не обращает на меня внимания.

– Нарезь мясо, а?

Я беру нож и втыкаю его в ростбиф. Тут на кухню входит Джесс. Мы разрешаем ему жить над гаражом, но требуем, чтобы он ел с нами; это часть сделки. Глаза у него красные, как у черта; одежда пропахла марихуаной.

– Ты только посмотри, – вздыхает Сара, но, когда я оборачиваюсь, она глядит на ростбиф. – Сыровато.

Жена хватается противень голыми руками, будто у нее кожа покрыта асбестом, и сует мясо обратно в духовку.

Джесс берет миску с картофельным пюре и накладывает себе на тарелку. Еще, еще и еще.

– От тебя воняет! – Кейт машет рукой перед носом.

Джесс игнорирует ее и принимается за пюре. Я с ужасом думаю, что говорит обо мне самом способность отличить, какой отравой он накачался, – экстази, героин или еще невесть что, оставляющее менее заметный для обоняния след.

– Не всем нравится одеколон «Травка», – бормочет Кейт.

– Не всем вводят наркоту через катетер, – огрызается Джесс.

Сара воздевает руки:

– Пожалуйста, неужели мы не можем просто... нет?

– Где Анна? – спрашивает Кейт.

– Разве она не в вашей комнате?

– Ее с утра нет.

Сара высовывает голову за дверь кухни:

– Анна! Обедать!

– Смотрите, что я купила сегодня. – Кейт теребит свою футболку с психоделическими разводами, на груди краб и надпись: «Рак». – Поняли?

– Ты – Лев. – У Сары такой вид, будто она вот-вот заплачет.

– Как там мясо? – спрашиваю я, чтобы ее отвлечь.

На кухню входит Анна. Она плюхается на стул и опускает голову.

– Где ты была? – спрашивает Кейт.

– Да так. – Анна смотрит в тарелку, но ничего себе не накладывает.

Это не моя младшая дочь. Я привык биться с Джессом, подбадривать Кейт, но Анна – наша семейная константа. Анна появляется с улыбкой. Анна рассказывает нам о найденной малиновке с переломанным крылом и ее румяных щечках; или о встреченной в магазине женщине с двумя парами близнецов. Анна задает фоновый ритм, но вот она сидит здесь, совершенно безучастная, и я понимаю: тишина тоже имеет звучание.

– Что-нибудь случилось? – спрашиваю я.

Анна смотрит на Кейт, думая, что вопрос обращен к сестре, а потом вздрагивает, поняв, что он адресован ей.

– Нет.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

И снова Анна медлит с ответом; этот вопрос обычно зарезервирован для Кейт.

– Нормально.

– Просто ты ничего не ешь.

Анна глядит в тарелку, замечает, что она пуста, и наваливает на нее кучу еды. Быстро засовывает в рот зеленую фасоль, две полные вилки.

Вдруг я вспоминаю, как, когда дети были маленькими и мы сажали их на заднее сиденье машины впритык, они были похожи на сигары в коробке, и я им пел: «Анна анна бо банна, банана фанна фо фанна, ми май мо манна... Анна». («Крякни! – кричал Джесс. – Крякни!»)

– Эй! – Кейт указывает на шею Анны. – А где твой медальон?

Его подарил ей я, много лет назад. Дочь подносит руку к ключице.

– Потеряла? – спрашиваю я.

– Просто нет настроения носить, – пожимает она плечами.

Анна его никогда не снимала, насколько я знаю. Сара достает мясо из духовки и ставит на стол. Взяв нож, чтобы его нарезать, смотрит на Кейт:

– К слову, о вещах, которые мы не в настроении носить, пойдешь сменить футболку.

– Почему?

– Потому что я так сказала.

– Это не причина.

Сара пронзает ростбиф ножом.

– Потому что мне неприятно видеть ее за столом.

– Она ничуть не хуже, чем металлистские футболки Джесса. Какая там была на тебе вчера? «Громовая киска Алабамы»?

Джесс выкатывает глаза. Такое выражение я уже видел: охромевшая лошадь в спагетти-вестерне за мгновение до того, как ее из жалости пристрелят.

Сара пилит мясо. До того розовое, теперь оно пережарено и стало жестким, как подметка.

– Ну вот, – говорит она, – все пропало.

– Все в порядке. – Я беру пласт, который ей удалось отделить, и отрезаю от него кусочек. С тем же успехом можно жевать кожаный ремень.

– Вкуснотища! Надо только сбегать на станцию и принести паяльную лампу, чтобы мы могли каждому выдать его долю.

Сара моргает, а потом с ее губ срывается пузыристый смешок. Кейт хохочет. Даже Джесс криво усмехается.

Только тут я понимаю, что Анна уже ушла из-за стола, а главное – никто этого не заметил.

На пожарной станции мы вчетвером сидим на кухне, куда нужно подниматься по лестнице. Рэд варит на плите какой-то соус, Паули читает газету «Провиденс джорнал», а Цезарь строчит письмо объекту вождения этой недели. Глядя на него, Рэд качает головой:

– Тебе нужно просто записать файл на диск и распечатать

сразу много копий.

Цезарь – это прозвище, которое ему давным-давно дал Паули за любвеобильность.

– Ну, эта девушка особенная, – говорит Цезарь.

– Да. Она продержалась уже два дня. – Рэд сливает макароны в дуршлаг над раковиной, вокруг его лица клубится пар. – Фиц, поучи-ка этого молодца уму-разуму.

– Почему я?

Паули глядит на нас поверх края газетного листа.

– Вне игры, – говорит он, и это правда.

Жена два года назад ушла от него к виолончелисту, который мелькнул в Провиденсе, совершая турне с симфоническим оркестром. Рэд такой убежденный холостяк, что не признал бы женщину, даже если бы она подошла к нему и взнуздала. А мы с Сарой женаты уже двадцать лет.

Рэд ставит передо мной тарелку, и я начинаю проповедь:

– Женщина не сильно отличается от костра.

Паули откладывает газету и присвистывает.

– Вот оно – Дао капитана Фицджеральда.

Я пропускаю шутку мимо ушей.

– Костер – красивая штука, верно? Ты не можешь отвести от него глаз, когда он горит. Если тебе удастся сдерживать его, он дарит свет и тепло. Только если выйдет из-под контроля, тебе придется занимать оборону.

– Капитан хочет сказать, – встречается Паули, – что нужно укрывать свою милую от бокового ветра. Эй, Рэд, у тебя есть

пармезан?

Мы садимся за мой второй обед. Обычно это означает, что через пару минут завоет сирена. У пожарных все устроено по законам Мёрфи: когда ты меньше всего готов к кризисной ситуации, она тут как тут.

– Эй, Фиц, помнишь того застрявшего покойника? – спрашивает Паули – Мы тогда были еще добровольцами.

Боже, да! Мужик весил фунтов пятьсот, не меньше, у него во сне отказало сердце. Спасателей вызвали сотрудники похоронного бюро, которые не могли спустить тело по лестнице.

– Веревки и каталки, – вслух вспоминаю я.

– И его собирались кремировать, но он был слишком крупный... – Паули усмехается. – Богом клянусь, раз уж моя матушка на Небесах, им пришлось везти его к ветеринару.

Цезарь удивленно моргает:

– Зачем?

– А как, по-твоему, избавляются от сдохших лошадей, Эйнштейн?

Сложив два и два, Цезарь выкатывает глаза:

– Ну и шуточки у тебя. – Еще немного подумав, он отпикивает от себя поставленную Рэдом тарелку с пастой болоньезе.

– А кого, ты думаешь, попросят прочистить трубу на медицинском факультете? – спрашивает Рэд.

– Бедных ублюдков из Управления по охране труда, – от-

вечает Паули.

– Даю десять баксов, что позвонят сюда и скажут, мол, это наша работа.

– Никаких звонков не будет, – говорю я, – потому что вычищать нечего. Огонь был слишком жаркий.

– Ну, по крайней мере, мы знаем, что тут обошлось без поджога, – бурчит Паули.

В последние месяцы мы много раз тушили намеренно устроенные пожары. Это всегда можно определить по следам от брызг воспламеняющейся жидкости или по тому, что огонь загорелся сразу в нескольких местах, по черному дыму или необычной концентрации пламени в одной точке. Поджигатель, кто бы он ни был, тоже не дурак – в нескольких зданиях подкладывал горючие вещества под лестницы, чтобы отрезать нам доступ к огню. Умышленные пожары опасны, потому что нарушают принципы, по которым мы боремся с пламенем. При поджоге постройка легко может обрушиться, пока ты находишься внутри и тушишь огонь.

– А может, и не обошлось, – фыркает Цезарь. – Вдруг этот толстяк на самом деле – самоубийца-поджигатель, пролез в трубу и подпалил сам себя.

– Или просто хотел сбросить вес, – добавляет Паули, и остальные разражаются хохотом.

– Хватит! – обрываю я общее веселье.

– Ну чего ты, Фиц, согласишься, это смешно...

– Не для родителей того парня. Не для его семьи.

Наступает неловкая тишина, до всех быстро доходит смысл моих слов. Наконец Паули, знающий меня дольше других, подает голос:

– Опять что-то с Кейт, Фиц?

С моей старшей дочерью всегда что-то происходит. Проблема в том, что этому не видно конца. Я отодвигаюсь от стола и ставлю свою тарелку в раковину.

– Пойду на крышу.

У каждого из нас есть увлечение: у Цезаря – девочки, у Паули – волынки, у Рэда – готовка, а у меня – мой телескоп. Я установил его много лет назад на крыше пожарной станции, оттуда лучше всего наблюдать ночное небо.

Если бы я не был пожарным, то стал бы астрономом. Для моих мозгов там слишком много математики, я это знаю, но меня всегда влекло к составлению карт звездного неба. В самые темные ночи можно видеть от тысячи до полутора тысяч звезд, и есть еще миллионы других, пока не открытых. Так легко думать, что мир вращается вокруг тебя, но стоит взглянуть на небо, и сразу понимаешь, что это не так.

Настоящее имя Анны – Андромеда, оно написано в свидетельстве о рождении. Созвездие, в честь которого она названа, связано с легендой о царской дочери, отданной в жертву морскому чудовищу и прикованной к скале в наказание ее матери Кассиопеи за похвальбу своей красотой перед Посейдоном. Пролетавший мимо Персей влюбился в Андромеду и спас ее. На небесных картах изображают девушку с распро-

стертыми руками, соединенными цепью.

В моем представлении у этой истории счастливый конец. Кто не пожелал бы такой участи своему ребенку?

Когда родилась Кейт, я воображал, какой красавицей она будет в день свадьбы. Потом ей поставили диагноз – ОПЛ, и я стал представлять, как она идет по сцене, чтобы получить школьный аттестат. Когда болезнь обострилась, все эти фантазии вылетели в окно: я рисовал себе картину, как мы отмечаем ее пятый день рождения. Больше я ничего не жду, Кейт разметала в прах все мои мечты.

Кейт умрет. Мне потребовалось немало времени, чтобы собраться с духом и произнести эти слова. Мы все умрем, если разобраться, но все должно быть не так. Это Кейт должна сказать мне последнее «прощай».

Кажется каким-то жульничеством, что после стольких лет борьбы ее убьет не лейкемия. Но опять же, доктор Чанс давным-давно сказал нам, что так обычно и бывает – тело пациента просто изнашивается от бесконечной схватки с болезнью. Постепенно, частями, оно начинает сдавать. У Кейт отказывают почки.

Я направляю телескоп на Петлю Барнарда и M42, сияющую в Мече Ориона. Звезды – это костры, пылающие тысячи лет. Одни – красные карлики – горят медленно и долго. Другие – голубые гиганты – сжигают свое топливо очень быстро, свет от них доносится до нас из невероятной дали. Когда горячее начинает иссякать, они переходят на гелий, разогре-

ваются, происходит взрыв, и рождается сверхновая звезда. Сверхновые ярче самых ярких галактик. Они умирают, но их уход виден всем.

Дома, после того как мы поели, я помогал Саре убраться на кухне и, ставя в холодильник кетчуп, спросил:

– Тебе не кажется, что с Анной что-то происходит?

– Потому что она сняла подвеску?

– Нет. – Я пожал плечами. – Вообще.

– В сравнении с почками Кейт и социопатией Джесса, я бы сказала, с ней все неплохо.

– Она хотела, чтобы обед закончился до его начала.

Сара обернулась ко мне от раковины:

– Как ты думаешь – почему?

– Гм... мальчик?

Жена покосилась на меня:

– Она ни с кем не встречается.

Слава богу!

– Может, кто-нибудь из подруг сказал ей что-нибудь обидное?

Почему Сара спрашивает меня? Что, черт возьми, я могу знать о перепадах настроения у тринадцатилетних девочек?!

Жена вытерла руки полотенцем и включила посудомоечную машину.

– Может, у нее просто подростковый возраст?

Я попытался вспомнить, какой была Кейт в тринадцать лет, но в голову пришли только очередное обострение болезни и связанная с ним трансплантация стволовых клеток. Обычная жизнь Кейт тонула в тумане, отодвинутая на задний план и затененная периодами болезни.

– Завтра я везу Кейт на диализ, – сказала Сара. – Когда ты вернешься домой?

– К восьми. Но я дежурю и не удивлюсь, если наш поджигатель снова даст о себе знать.

– Брайан, как тебе Кейт?

«Лучше, чем Анна», – подумал я, но жена спрашивала не об этом. Она хотела, чтобы я сказал, изменился ли желтый оттенок ее кожи в сравнении со вчерашним днем; она хотела, чтобы по тому, как Кейт опиралась на локти, сидя за столом, я прочел, насколько трудно ей держать тело в вертикальном положении.

– Кейт выглядит отлично, – солгал я, потому что так мы поддерживаем друг друга.

– Не забудь пожелать им спокойной ночи перед уходом, – напомнила Сара и принялась собирать таблетки, которые Кейт нужно принять перед сном.

Сегодня вечером тихо. Недели имеют свой ритм: безумие пятничных и субботних ночных смен прямо противоположно скучным дежурствам по воскресеньям и понедельникам. Могу с уверенностью сказать, что сегодня вечером завалюсь

на койку и усну.

– Папа?.. – Открывается ведущий на крышу люк, и оттуда вылезает Анна. – Рэд сказал, что ты здесь.

Я обмираю. Уже десять вечера.

– Что случилось?

– Ничего. Просто я... хотела заглянуть к тебе.

Когда дети были маленькие, Сара часто приходила с ними сюда. Они играли в гараже между огромными спящими машинами; засыпали в моей камере под лестницей. Иногда, в самую жаркую пору лета, Сара приносила старое одеяло, мы расстилали его на крыше, ложились на него с детьми и следили, как наступает ночь.

– Мама знает, где ты?

– Она подвезла меня.

Анна на цыпочках идет по крыше – она всегда побаивалась высоты, а тут вокруг бетонной площадки барьер высотой всего в три дюйма – и, прищурившись, наклоняется к окуляру.

– Что ты видишь?

– Вегу, – говорю я и пристально гляжу на дочь, чего давненько не делал. Она уже не прямая, как палка, появились некоторые выпуклости. Даже ее движения – то, как она заправляет волосы за ухо, смотрит в телескоп – проникнуты грацией, которую я приписал бы взрослой женщине. – Ты хочешь о чем-то поговорить?

Анна закусывает верхнюю губу и смотрит на свои крос-

совки.

– Может, лучше ты поговоришь со мной? – предлагает она.

Я усаживаю ее на свою куртку и показываю ей звезды. Говорю, что Вега – это часть созвездия Лира, лиры, принадлежавшей Орфею. Я не слишком хороший рассказчик, но помню легенды, связанные с созвездиями. А потому излагаю Анне историю этого сына бога Солнца, который музыкой очаровывал животных и размягчал камни, человека, который так любил свою жену Эвридику, что не позволил Смерти забрать ее.

Когда я замолкаю, мы оба лежим на спинах.

– Можно, я останусь здесь с тобой? – спрашивает Анна.

Я целую ее в макушку:

– Как хочешь.

– Папа, – шепчет дочка, когда я думаю, что она уже крепко спит, – у него получилось?

Не сразу понимаю, что она говорит об Орфее и Эвридике.

– Нет, – признаюсь я.

Она вздыхает:

– Фигуры речи.

Вторник

*Гори с двух концов, свеча моя,
Сгори до начала дня.
Эх, враги мои, ах, друзья,
Смотрите, сколько огня!*

*Эдна Сен-Винсент Миллей. Первая шишка. Перевод М.
А. Родионова*

Анна

Для меня обычное дело – притворяться, что я прохожу сквозь эту семью на пути к своей настоящей. Это не так уж трудно, правда: здесь есть Кейт – точная копия моего отца, Джесс – точная копия матери и я – собрание рецессивных генов, сложившееся непонятно как. В больничном кафе, поедая резиновую картошку фри и красное желе, я перевожу взгляд со столика на столик, думая, что мои настоящие родители могут находиться совсем рядом. Они расплачутся в умилении, что нашли дочурку, и увезут меня в наш замок в Монако или Румынии, и дадут мне горничную, которая будет пахнуть, как свежее постельное белье, и купят бернского зенненхунда, и обеспечат личной телефонной линией. Первой, кому я позвоню, чтобы похвастаться своей новой счаст-

ливой судьбой, будет Кейт.

Кейт делают диализ три раза в неделю, каждая процедура длится два часа. Ей ставят катетер, который повторяет линию подключичной вены и торчит всегда из одного и того же места в груди. Его подключают к аппарату, который выполняет работу вместо почек Кейт. Кровь Кейт (точнее, моя кровь, если вам интересно вникать в детали) покидает тело через одну иглу, очищается и затем вливается обратно через другую. Сестра говорит, что это не больно, просто скучно. Кейт обычно берет с собой книгу или CD-плеер с наушниками. Иногда мы играем с ней в игры. «Иди в коридор и расскажи мне про первого красивого парня, которого встретишь, – инструктирует она, или: – Проследи за вахтером, который шарится по Интернету, и узнай, чью фотку в голом виде он скачивает». Когда Кейт прикована к постели, я – ее глаза и уши.

Сегодня она читает журнал «Аллюр». Не знаю, замечает ли моя сестра, что прикасается пальцами к моделям с V-образными вырезами в тех местах, где у нее катетер, а у них нет.

– Ну, – вдруг произносит мама, – это интересно. – Она машет взятым со стойки в коридоре буклетом. – «Вы и ваши новые почки». Оказывается, старую почку не удаляют! Просто вставляют новую и присоединяют ее к системе.

– Какая мерзость, – говорит Кейт. – Представьте, что ваше тело вскрывают и патологоанатом видит вместо двух почек

три.

– Думаю, тут важно то, что патологоанатому не придется вскрывать твоё тело в ближайшее время, – отзывается мама.

Воображаемая почка, которую она обсуждает, в данный момент находится в моём теле.

Я тоже прочла брошюру.

Донорство почки считается относительно безопасной хирургической операцией, но, если вы спросите меня, тот, кто это написал, должно быть, сравнивал упомянутую процедуру с пересадкой сердца или удалением опухоли головного мозга. По-моему, безопасная операция – это такая, когда, войдя в кабинет врача, ты все время находишься в сознании и вся процедура занимает не больше пяти минут, как при удалении бородавки или прочистке кариозной полости. Когда отдаешь почку, приходится провести ночь перед операцией в больнице, голодать и принимать успокоительное. Тебе делают анестезию, а это риск возникновения инсульта, сердечного приступа и проблем с дыханием. Четырехчасовая хирургическая операция – это не прогулка в парке, к тому же у вас есть один из трех тысяч шансов умереть на операционном столе. Если этого не случится, вы проведете в больнице от четырех до семи дней, а на полное восстановление уйдет от четырех до шести недель. К тому же тут не учитываются отдаленные последствия: увеличение риска возникновения проблем с давлением, сложностей с протеканием беременности; при этом вам будет рекомендовано воздерживаться от

занятий, при которых ваша единственная оставшаяся почка может пострадать.

Кроме того, когда вам удаляют бородавку или лечат кариес, выигрываете от этого только вы.

В дверь стучат, и в палату заглядывает знакомое лицо. Верн Стакхаус – шериф, а значит, член того же сообщества людей, служащих обществу, что и мой отец. Он часто заходит к нам домой сказать «привет» или оставить для всех нас рождественские подарки: недавно он спас задницу Джесса – вытащил его из передраги и привел домой, вместо того чтобы отдать в руки судебной системы. Когда живешь в семье, где есть умирающий ребенок, люди относятся к тебе снисходительно.

Лицо Верна похоже на суфле – прогибается в самых неожиданных местах. Кажется, он не уверен, можно ли ему войти.

– Гм... – признаосит он. – Привет, Сара!

– Верн! – Мама встает. – Что ты делаешь в больнице? Все в порядке?

– О да, в порядке. Я тут по делу.

– Оформляешь бумаги, наверное.

– Мм... – Верн переминается с ноги на ногу и засовывает руку за полу пиджака, как Наполеон. – Мне очень неприятно, Сара, – бормочет он и вынимает какой-то документ.

Кровь покидает мое тело, как у Кейт. Я не могу пошевелиться, даже если бы хотела.

– Что за... Верн, меня привлекают к суду? – Мама говорит очень тихо.

– Слушай, я сам их не читаю. Только раздаю. И твое имя, оно появилось в моем списке. Если... гм... я чем-нибудь... – Он не заканчивает фразу и, сжав в руке головной убор, ныряет обратно за дверь.

– Мам? – спрашивает Кейт. – Что происходит?

– Понятия не имею. – Она разворачивает бумаги.

Я стою достаточно близко и читаю через ее плечо: «ШТАТ РОД-АЙЛЕНД и ПРОВИДЕНС ПЛАНТЕЙШНС, – написано в верхней строке официальнейшим образом. – СУД ПО СЕМЕЙНЫМ ДЕЛАМ ОКРУГА ПРОВИДЕНС. ПО ДЕЛУ АННЫ ФИЦДЖЕРАЛЬД, ТАКЖЕ ИЗВЕСТНОЙ КАК ДЖЕЙН ДОУ⁷.

ХОДАТАЙСТВО О МЕДИЦИНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ».

«О черт!» – думаю я. Щеки у меня горят, сердце колотится. Чувствую себя, как в тот раз, когда директор прислал домой дисциплинарное уведомление, потому что я нарисовала на полях в тетради по математике карикатуру на миссис Тухей с огромной задницей. Нет, вычеркните это, на самом деле в миллион раз хуже.

Что в будущем она сама будет принимать все медицин-

---

⁷ Именование Джейн Доу используется в американском судопроизводстве для обозначения неизвестной женщины или девушки, а также для защиты личности известной женщины или девушки. В данном случае его употребление наряду с реальным именем истицы не вполне понятно.

ские решения.

Что ее не будут принуждать к прохождению медицинских процедур, которые не в ее интересах и не идут ей на пользу.

Что от нее не потребуют проходить медицинские процедуры ради благополучия ее сестры Кейт.

Мама поднимает лицо и шепчет:

– Анна, что это такое?

У меня живот будто сжался в кулак. Вот оно! Я мотаю головой. Что ей сказать?

– Анна! – Она делает шаг ко мне.

За спиной у нее вскрикивает Кейт:

– Мама, ой, мама... больно, позови сестру!

Мать наполовину оборачивается к ней. Кейт лежит на боку, волосы свесились на лицо. Думаю, сквозь них она смотрит на меня, но точно сказать не могу.

– Мама-а, – стонет Кейт, – пожалуйста.

Мгновение родительница мечется между нами, как мыльный пузырь. Переводит взгляд с меня на Кейт и обратно.

Сестре больно, а я чувствую облегчение. Как это характеризует меня?

Последнее, что вижу, выбегая из комнаты: моя мать жмет и жмет на кнопку вызова помощи, как на взрыватель бомбы.

Прятаться в кафе, холле или в любом другом месте, где меня станут искать, бесполезно. Поэтому я поднимаюсь по

лестнице на шестой этаж в родильное отделение. В холле только один телефон, и тот занят.

– Шесть фунтов одиннадцать унций, – говорит мужчина и улыбается так широко, что кажется, лицо у него лопнет. – Она прекрасна!

Делали ли так мои родители, когда я появилась на свет? Посылал ли мой отец сигналы дымом, пересчитывал ли пальчики у меня на руках и ногах, уверенный, что лучшего числа не найти во всей Вселенной? Целовала ли меня мама в макушку? Отказывалась ли передавать акушерке, чтобы меня вымыли? Или они спокойно оставили свое дитя в чужих руках, так как главный приз был запрятан между моим животом и плацентой?

Новоиспеченный отец наконец вешает трубку и смеется без всякой причины.

– Поздравляю, – говорю я, хотя на самом деле мне хочется сказать: забирай свою малышку и держи ее крепко, прицепи луну на край кровати и напиши ее имя среди звезд, чтобы она никогда и ни за что не поступила с тобой так, как я со своими родителями.

Звоню Джессу и прошу забрать меня. Через двадцать минут он подъезжает к главному входу. Исполняющий обязанности шерифа Верн Стакхаус уже проинформирован о моем исчезновении и ждет у дверей, когда я выйду.

– Анна, твоя мама сильно беспокоится. Она вызвала твоего отца. И он поставил с ног на голову всю больницу.

Я делаю глубокий вдох.

– Тогда вы лучше сходите и скажите им, что со мной все в порядке, – говорю я и заскакиваю в машину к брату, который услужливо распахнул для меня дверцу.

Джесс отваливает от поребрика и закуривает, хотя мне доподлинно известно: он заверял маму, что бросил. Врубает музыку, постукивает ладонью по рулю. Только съехав с шоссе на повороте к Верхнему Дерби, мой братец выключает радио и сбавляет скорость.

– Ну что? Она взбесилась?

– Вызвала отца с работы.

В нашей семье считается страшным грехом отрывать отца от службы, так как она связана с экстренными вызовами по неотложным делам. Какие сравнимые с этим кризисы могут случиться у нас?

– В последний раз она вызывала отца с работы, когда Кейт поставили диагноз, – сообщает мне Джесс.

– Отлично. – Я складываю на груди руки. – Теперь я чувствую себя гораздо лучше.

Джесс молча улыбается, выпускает изо рта колечко дыма и говорит:

– Добро пожаловать на темную сторону, сестренка.

Они врываются в дом словно ураган. Кейт едва успевает взглянуть на меня, отец тут же отправляет ее наверх, в нашу комнату. Мама швыряет на полку сумочку, припечатывает

сверху ключи от машины и топает ко мне.

– Хорошо, – говорит она, голос ее натянут, как струна, вот-вот сорвется. – В чем дело?

Я откашливаюсь:

– Я наняла адвоката.

– Понятно. – Мама берет переносной телефон и сует его мне в руки. – Теперь избавься от него.

Это требует невероятных усилий, но мне удастся отрицательно помотать головой и поставить аппарат на диванную подушку.

– Анна, тогда помоги мне...

– Сара... – Голос отца ударом топора расщепляет нас, и мы обе, кружась в полете, отлетаем в стороны. – Думаю, нужно дать Анне шанс объясниться. Мы договорились, что дадим ей шанс объясниться, верно?

Я вжимаю голову в плечи:

– Все равно я не хочу ничего объяснять.

Это приводит маму в ярость.

– Знаешь, Анна, я тоже. На самом деле и Кейт. Но это не тот случай, когда у нас есть выбор.

Проблема в том, что у меня-то он есть. Вот почему я все это затеяла.

Мама стоит надо мной.

– Ты пошла к адвокату и наговорила ему, что все дело в тебе, но это не так. Все мы...

Отец крепко обнимает ее за плечи, затем присаживается

передо мной на корточки, и я чувствую запах дыма. Папа тушил чей-то пожар и попал в самый разгар домашнего. За это мне стыдно, и только.

– Анна, милая, мы знаем, ты думаешь, что поступила так, как было нужно...

– Я так не считаю, – прерывает его мама.

Отец закрывает глаза.

– Сара! Черт побери, замолчи! – Потом он снова смотрит на меня. – Можем мы все обсудить втроем, без привлечения адвоката?

От его слов глаза у меня наполняются слезами. Но я знала, что без этого не обойдется. Поэтому поднимаю подбородок, а слезы – пусть текут.

– Папочка, я не могу.

– Ради бога, Анна, ты хоть понимаешь, какие будут последствия?! – восклицает мама.

Горло сжимается, как затвор объектива, так что и воздух, и объяснения должны пробираться по туннелю толщиной с булавку. «Я невидимка», – думаю я про себя и слишком поздно соображаю, что произнесла это вслух.

Мама замахивается с такой скоростью, что я не успеваю испугаться приближения удара. Она дает мне пощечину, и моя голова запрокидывается назад. На щеке горит отпечаток ее руки, он пятнает меня позором гораздо дольше, чем исчезает с лица. Знайте: у стыда пять пальцев.

Однажды, когда Кейт было восемь, а мне пять, мы подрались и решили, что больше не хотим жить в одной комнате. Учитывая размер нашего дома и то, что вторую спальню занимал Джесс, нам с ней было никак не разойтись. Поэтому Кейт, которая была старше и умнее, придумала поделить нашу комнату пополам.

– Какая сторона тебе нравится? – спросила она. – Выбери, я разрешаю.

Ну, мне хотелось иметь ту часть, где была моя кровать. Кроме того, там же стояла коробка с нашими Барби, висели полки, где мы держали карандаши, краски и прочие принадлежности для творчества. Кейт пошла на мою половину за фломастером, а я ее остановила, говоря:

– Это моя часть.

– Тогда дай мне фломастер, – просила Кейт, и я дала ей красный.

Она забралась на стол и потянулась к потолку, сказав:

– Как только мы это сделаем, ты останешься на своей стороне, а я на своей, да?

Я кивнула, так же готовая хранить верность этому уговору, как и сестра.

У меня ведь были все хорошие игрушки. Кейт придется просить у меня позволения зайти за ними гораздо раньше, чем у меня возникнет необходимость просить о чем-то ее.

– Клянешься? – спросила она, и мы скрепили клятву, сцепившись мизинцами.

Кейт провела корявую линию от потолка вниз, по столу, по ковру песочного цвета и обратно вверх по тумбочке и противоположной стене. Потом протянула мне фломастер, говоря:

– Не забудь. Только вруны нарушают клятвы.

Я уселась на своей половине, вынула из ящика всех Барби, какие у нас были, одевала и раздевала их, всячески выражая радость по поводу того, что у меня есть куклы, а у Кейт нет. Она забралась на кровать, подтянула колени к подбородку и наблюдала за мной. Она никак не реагировала на меня. Пока мама не позвала нас вниз обедать.

Тут Кейт улыбнулась мне и вышла из комнаты через дверь, которая была на ее стороне.

Я подошла к нарисованной на ковре линии и стала пинать ее ногами. Мне не хотелось быть обманщицей. Но и провести остаток дней в комнате тоже не хотелось.

Не знаю, сколько времени потребовалось маме, чтобы забеспокоиться, почему это я не спускаюсь на кухню на ланч, но, когда тебе пять лет, секунда может длиться целую вечность. Мама остановилась в дверном проеме, глядя на линию, проведенную по стенам и ковру, и закрыла глаза, чтобы не вспылить. Потом вошла в комнату, подняла меня, и тут я начала отбиваться от нее с криком:

– Нет, мне нельзя будет обратно!

Через минуту мама ушла и вернулась с кухонными прихватками, посудными полотенцами и маленькими подушка-

ми. Она разложила все эти вещи на полу на разных расстояниях одну от другой вдоль всей половины Кейт и стала подбадривать меня:

– Ну давай, шагай! – Но я не двигалась, тогда мама подошла и села рядом со мной на кровать. – Это может быть пруд Кейт, но на нем выросли мои водяные лилии с плавающими листьями.

Встав, она перескочила с посудного полотенца на подушку, оглянулась через плечо и продолжила перескакивать и оглядываться, пока я не спустилась с кровати на полотенце. Потом шагнула с полотенца на подушку, с подушки на прихватку, которую сделал Джесс в первом классе, и так всю дорогу через половину Кейт. Идти по следам матери – это был самый безопасный способ выбраться наружу.

Я принимаю душ, когда Кейт отжимает замок и заходит в ванную.

– Хочу поговорить с тобой, – заявляет она.

– Когда я помоюсь, – отвечаю я, высывая голову из-за пластиковой занавески.

Нужно выгадать время перед разговором, который вообще не хочется вести.

– Нет, сейчас. – Она садится на край унитаза и вздыхает. – Анна... то, что ты делаешь...

– Уже сделано, – отзываюсь я.

– Ты можешь прекратить это, если захочешь.

Какое счастье, что нас разделяет стена пара! Мне невыносима мысль, что Кейт может увидеть мое лицо.

– Знаю, – отвечаю я шепотом.

Кейт долго молчит. Мысли ее бегают по кругу, как песчанка в колесе, мои тоже. Гонись за каждой спицей надежды – все равно никуда не прибежишь.

Через какое-то время я снова высовываю голову. Кейт утирает глаза и глядит на меня:

– Ты хоть понимаешь, что, кроме тебя, у меня больше нет друзей?

– Это неправда, – произношу я, но мы обе знаем, что я вру.

Кейт провела слишком много времени вне стен школы, чтобы найти себе подходящую компанию. Большинство подруг, с которыми она сошлась во время продолжительной ремиссии, исчезли – это взаимозависимые вещи. Оказалось, что обычным детям очень трудно разобраться, как вести себя с тем, кто находится при смерти. И Кейт было столь же нелегко искренне волноваться по поводу таких вещей, как возвращение домой или тесты на годовичную успеваемость, когда не было никакой гарантии, что она сможет снова испытать это. Конечно, у нее имелось несколько приятельниц, но если они заходили к ней, то по большей части не знали, о чем говорить, и сидели на краю ее постели, считая минуты до того момента, когда можно будет уйти и возблагодарить Господа, что это случилось не с ними.

Настоящий друг не способен чувствовать к вам жалость.

– Я тебе не друг, – заявляю я и задергиваю штору. – Я твоя сестра.

«И это паршивая работенка», – думаю я про себя. Подставляю лицо под струи воды, чтобы Кейт не заметила, что я тоже плачу.

Вдруг штора отодвигается, и я стою совершенно голая и открытая чужому взгляду.

– Об этом я и хотела с тобой поговорить. Если ты больше не хочешь быть моей сестрой, это одно. Но я не думаю, что выдержу, если потеряю тебя и как друга.

Она снова задвигает штору, и вокруг меня поднимается пар. Через мгновение я слышу, как открывается, а потом закрывается дверь, в ванную влетает струя холодного воздуха, будто ножом полоснуло.

Я тоже не могу вынести мысль, что потеряю ее.

Той ночью, когда Кейт засыпает, я вылезаю из постели и стою рядом с ее кроватью. Подношу руку к носу сестры, чтобы проверить, дышит ли она, и на мою ладонь давит струя выдохнутого воздуха. Я могла бы зажать этот нос и рот прямо сейчас и не отпускать, когда она станет брыкаться. Чем это отличалось бы от того, что я уже делаю?

Звук шагов в коридоре заставляет меня нырнуть в свою пещеру под одеялом. Поворачиваюсь на бок, к стене, вдруг мои веки будут предательски вздрагивать, когда в комнату

войдут родители.

– Не могу в это поверить, – шепчет мама. – Просто не могу поверить, что она это сделала.

Отец не издает ни звука, я даже начинаю сомневаться: может, ошиблась и его здесь нет.

– Это все как с Джессом, – добавляет мама. – Она хочет внимания. – Я чувствую на себе ее взгляд, она смотрит на меня, как на некое доселе невиданное создание. – Может, нам взять ее куда-нибудь одну? Сходить в кино или за покупками, чтобы она не чувствовала себя брошенной. Пусть поймет, что ей не нужно совершать безумства, чтобы мы ее заметили. Как ты думаешь?

Отец медлит с ответом.

– Ну, – наконец произносит он, – может, это и не безумство.

Знаете, как в темноте тишина может давить на барабанные перепонки, оглушать? Именно это и происходит, так что я едва слышу ответ матери.

– Ради бога, Брайан... на чьей ты стороне?

На этот вопрос я могу ответить за него. Стороны есть всегда. Всегда есть победитель и проигравший. На каждого получающего что-то находится тот, кому приходится отдавать.

Через несколько секунд дверь закрывается, и свет из коридора, плясавший на потолке, гаснет. Моргая, я перекатываюсь на спину – и обнаруживаю маму, которая так и стоит рядом с моей кроватью.

– Мне показалась, ты ушла, – шепчу я.

Она садится в ногах моей постели, и я немного отодвигаюсь, но она кладет руку на мою икру, прежде чем я успеваю улизнуть дальше.

– О чем ты думаешь, Анна?

Живот у меня сжимается.

– Я думаю... я думаю, что вы должны меня ненавидеть.

Даже в темноте вижу блеск маминых глаз.

– Ох, Анна, – вздыхает она, – неужели ты не знаешь, как сильно я тебя люблю?

Мама протягивает ко мне руки, и я подползаю к ней, как маленькая, будто могу уместиться в ее объятиях. Утыкаюсь лицом в плечо. Чего мне хочется больше всего, так это повернуть время вспять. Стать ребенком, верившим, будто все, что говорит мама, на сто процентов правдиво, не вглядываясь в суть и не замечая в этой правде трещин толщиной в волосок.

Она прижимает меня к себе:

– Мы поговорим с судьей и все уладим. Мы можем все уладить.

Эти слова я всегда хотела услышать, а потому согласно киваю.

Сара

1990 год

Испытываешь какое-то неожиданное утешение, когда находишься на отделении онкологии в больнице, будто ты член какого-то клуба. Начиная с добродушного охранника на парковке, который интересуется, впервые ли мы сюда приехали, и заканчивая легионом детей, которые несут, зажав под мышкой, как плюшевых медвежат, тазики для рвоты, — все эти люди побывали здесь до нас, и их количество создает ощущение безопасности.

Мы поднимаемся в лифте на третий этаж, к кабинету доктора Харрисона Чанса. От одного имени мне становится дурно. Почему бы не доктор Виктор?

— Он опаздывает, — говорю я Брайану, в двадцатый раз бросая взгляд на наручные часы.

На подоконнике чахнет побуревший хлорофитум. Надеюсь, к людям доктор относится лучше.

Чтобы развлечь Кейт, а она начинает терять терпение, я надуваю латексную перчатку, получается шарик в форме петушиного гребня. Рядом с ящиком у раковины, где лежат перчатки, висит объявление, строго предупреждающее родителей, чтобы они не делали именно этого. Мы отбиваем

шарик друг другу, играя в волейбол, пока не появляется доктор Чанс собственной персоной, извинениями за опоздание он себя не утруждает.

– Мистер и миссис Фицджеральд... – Врач, высокий и худой как палка, моргает голубыми глазами, увеличенными толстыми стеклами очков, губы поджаты; он ловит одной рукой наш импровизированный воздушный шарик и хмуро смотрит на него. – Ну, я вижу, тут есть проблема.

Мы с Брайаном переглядываемся. Неужели этот человек с холодным сердцем проведет нас через эту войну? Неужели он наш генерал, наш белый рыцарь? Не успеваем мы объяснить, как доктор Чанс берет маркер и рисует на латексе лицо, довершая изображение очками в проволочной оправе, как у него.

– Вот, – говорит он и отдает игрушку Кейт с улыбкой, которая совершенно меняет его.

Свою сестру Сюзанн я вижу раз или два в год. Она живет меньше чем в часе езды от нас и в нескольких тысячах миль философских убеждений.

Насколько я могу судить, Сюзанн платят уйму денег за то, что она помыкает людьми. Теоретически, она подготовилась к этой карьере на мне. Наш отец умер, когда стриг лужайку в свой сорок девятый день рождения. Мать так никогда и не оправилась от неожиданного удара. Сюзанн была старше меня на десять лет и взяла на себя роль матери. Она проверя-

ла, выполняю ли я домашние задания, заполнила анкеты для поступления в школу права и имела большие планы на мое будущее. Она была умная, красивая и за словом в карман не лезла, что бы ни происходило. Для любой катастрофической ситуации могла отыскать подходящее противоядие, все исправить, и это обеспечило ее успехи в работе. Она чувствовала себя одинаково комфортно и в комнате для заседаний совета директоров, и на пробежке вдоль берега реки Чарльз. Все, чем бы сестра ни занималась, казалось легким делом. Кто бы стал следовать такой ролевой модели?

Мой первый бунт – выход замуж за человека без высшего образования. Второй и третий – беременности. Полагаю, когда я не пожелала принять на себя роль новой Глории Олред⁸, сестра вполне обоснованно записала меня в категорию пропавших. А сама я до настоящего времени вполне оправданно себя к таковой не причисляла.

Не поймите меня неправильно, Сюзанн любит племянницу и племянника. Присылает им резные фигурки из Африки, ракушки с Бали, шоколадки из Швейцарии. Джесс хочет работать в таком же стеклянном кабинете, как у нее, когда вырастет.

– Все не могут быть такими, как тетя Занни, – говорю я ему, подразумевая, что это я не могу быть ею.

Не помню, кто из нас первым бросил перезванивать, ес-

---

⁸ *Глория Рэйчел Олред* – американский адвокат, занималась громкими и противоречивыми делами, касавшимися защиты прав женщин.

ли пропускал звонок, но так было проще. Ничего нет хуже тишины, тяжелыми бусинами нанизанной на нить слишком деликатного разговора. А потому мне потребовалась целая неделя, чтобы взяться за трубку телефона. Я набираю прямой номер.

– Линия Сюзанн Крофтон, – отвечает мужской голос.

– Да. – Я медлю. – С ней можно поговорить?

– Она на совещании.

– Пожалуйста... – Я набираю в грудь воздуха. – Пожалуйста, скажите ей, что звонит ее сестра.

Через мгновение мягкий свежий голос падает мне в ухо.

– Сара... Давно тебя не слышно.

Сюзанн – тот человек, к которому я кинулась, когда у меня начались первые месячные; который помогал мне собрать осколки разбитого первой любовью сердца; к ее руке я потянулась посреди ночи, если не могла вспомнить, на какую сторону зачесывал волосы наш отец или как звучал смех нашей матери. Не важно, кем она стала сейчас, до всего этого Сюзанн была моим самым верным другом.

– Занни, как ты? – спрашиваю я.

Через тридцать шесть часов после того, как Кейт поставили диагноз ОПЛ, мы получили возможность задать вопросы. Кейт в компании со специалистом по детскому развитию мажет бумагу клеем с блестками, пока мы беседуем с целой командой докторов, медсестер и психиатров. Сестры, как я

уже поняла, дают ответы на самые жгучие вопросы. В отличие от врачей, которые ерзают, будто им нужно быть где-нибудь в другом месте, медсестры терпеливо все разъясняют, словно мы первые, а не тысячные родители, с которыми они встречаются по такому поводу.

– С лейкемией дело обстоит так, – говорит одна из них, – что мы, еще не сделав первую инъекцию, уже думаем о трех следующих процедурах, которые могут понадобиться. Это заболевание трудно прогнозировать, поэтому мы должны стараться предвидеть варианты его развития. Немного более коварным ОПЛ делает то, что это химиорезистентное заболевание.

– Что это значит? – спрашивает Брайан.

– Обычно при миелогенных лейкозах, пока органы не разрушены, можно возвращать пациента к ремиссии каждый раз, как происходит рецидив болезни. Тело истощается, но понятно, что оно ответит на проводимую терапию еще и еще раз. В случае с ОПЛ после проведения курса лечения уже нельзя полагаться на то, что он снова принесет успех. В настоящее время больше мы ничего не можем сделать.

– Вы говорите... – Брайан сглатывает. – Вы говорите, что она умрет?

– Я говорю, что нет гарантий.

– Так что вы будете делать?

Отвечает другая медсестра:

– Начнем с недельного курса химиотерапии, таким обра-

зом мы надеемся уничтожить больные клетки и вернуть девочку к ремиссии. Скорее всего, ее будет тошнить и рвать, мы попытаемся свести эти симптомы к минимуму с помощью противорвотных средств. У нее выпадут волосы.

Тут я издаю тоненький всхлип. Это такая мелочь, но тем не менее – знак, который покажет всем окружающим, что происходит с Кейт. Всего шесть месяцев назад ее впервые подстригли; золотистые колечки рассыпались, как монетки, по полу парикмахерской.

– У нее может развиваться понос. Так как иммунная система ослаблена, велики шансы, что она подхватит какую-нибудь инфекцию и потребуется госпитализация. Из-за химиотерапии может возникнуть задержка в развитии. Недели через две после первого ей будет проведен курс закрепляющей химиотерапии, а потом еще несколько курсов поддерживающей. Точное их количество будет зависеть от результатов периодических заборов костного мозга.

– А потом что? – спрашивает Брайан.

– Потом мы будем наблюдать за ней, – отвечает доктор Чанс. – При ОПЛ нужно тщательно следить за признаками возвращения болезни. Ее надо будет привозить в больницу в случае кровотечений, повышения температуры, кашля или инфекций. Болезнь может протекать по-разному. Цель – заставить организм Кейт производить здоровый костный мозг. Маловероятно, что мы добьемся молекулярной ремиссии с помощью химиотерапии, мы можем брать клетки у самой

Кейт и вводить их заново – это аутогенный сбор. Если наступит ухудшение, можно попытаться пересадить Кейт чей-нибудь костный мозг, чтобы он вырабатывал клетки крови. У Кейт есть братья и сестры?

– Брат, – говорю я, и в голову камнем падает ужасная мысль. – А у него это тоже может быть?

– Едва ли. Но он может оказаться подходящим донором для аллогенной пересадки. Если нет, мы включим Кейт в национальный реестр нуждающихся в доноре. Тем не менее брать материал для трансплантации у подходящего донора-неродственника гораздо опаснее, чем получить его от человека, связанного с больным родством. Риск смертельного исхода сильно возрастает.

Информации нет конца, дробтики вылетают с такой скоростью, что я перестаю замечать причиняемую каждым в отдельности жгучую боль. Нам сказали: «Ни о чем не думайте; просто отдайте нам вашу дочь, потому что в противном случае она умрет». Каждый полученный ответ вызывает новые вопросы.

Волосы у нее станут черными?

Будет ли она когда-нибудь ходить в школу?

Сможет ли играть с друзьями?

Это случилось из-за того, где мы живем?

Это случилось из-за нас?

– Если она умрет, – слышу я свой голос, – как это случится?

Доктор Чанс смотрит на меня и объясняет:

– Это зависит от того, чему не сможет противостоять ее организм. Если она подхватит вирусную инфекцию, у нее будет подавлено дыхание и придется прибегать к вентиляции легких. Если возникнет кровотечение, она будет терять кровь даже в бессознательном состоянии. Если откажет какой-нибудь орган, симптомы будут различаться в зависимости от того, какая система затронута. Часто все это комбинируется.

– Она будет понимать, что происходит? – спрашиваю я, хотя на самом деле имею в виду: «Как я переживу это?»

– Миссис Фицджеральд, из двадцати детей, находящихся сейчас здесь, десять через несколько лет будут мертвы, – говорит врач, словно услышав мой незаданный вопрос. – В какой группе окажется Кейт, мне не известно.

Для спасения жизни Кейт часть ее должна умереть. Вот в чем смысл химиотерапии – вытравить все пораженные лейкемией клетки. Ради этого под ключицей Кейт появляется катетер, вставленный в вену, – трехзубый порт, который станет точкой входа для разнообразнейших медикаментов, внутривенных вливаний и заборов крови. Я смотрю на торчащие из худенькой груди Кейт трубки и вспоминаю фильмы в жанре научной фантастики.

Ей уже сделали ЭКГ, чтобы проверить, выдержит ли сердце химиотерапию. Ей капают глазные капли дексаметазон,

потому что одно из лекарств может вызвать конъюнктивит. У нее взяли кровь из вены, чтобы проверить, как работают почки и печень.

Медсестра вешает пакеты с инфузионными жидкостями на подставку и приглаживает волосы Кейт.

– Она что-нибудь почувствует? – спрашиваю я.

– Нет. Эй, Кейт, смотри сюда. – Женщина показывает на пакет с даунорубицином, накрытый черным чехлом для предохранения от воздействия света.

На чехле ярко раскрашенные наклейки, которые она могла сделать Кейт, пока мы ждали. Я вижу одну тинейджерскую с надписью: «Иисус спасает. Химия помогает».

Вот что начинает курсировать по венам Кейт: даунорубицин, 50 мг в 25 см³ Д5В⁹; цитарабин, 46 мг в Д5В, в продолжение 24 часов ВВ¹⁰; аллопуринол, 92 мг ВВ. Иными словами, яд. Я представляю себе, какая великая битва идет внутри тела Кейт. Сияющие доспехами армии, испаряющиеся сквозь поры кожи жертвы.

Нам говорят, что Кейт будет тошнить через несколько дней, но не проходит и пары часов, как у нее начинается рвота. Брайан жмет на кнопку вызова, и в палату входит сестра.

– Мы дадим ей реглан, – говорит она и исчезает.

Когда Кейт не рвет, она плачет. Я сижу на краю постели и держу ее наполовину у себя на коленях. У медсестер нет

---

⁹ Д5В – 5-процентный водный раствор декстрозы.

¹⁰ ВВ – внутривенно.

времени возиться с нами. Их мало, они добавляют противорвотное средство в капельницу, остаются ненадолго, чтобы посмотреть, как реагирует Кейт, но их неизбежно вызывают куда-нибудь еще по очередному неотложному случаю, и остальное выпадает на нашу долю. Брайан, который раньше всегда уходил из комнаты, если кто-нибудь из наших детей подхватывал желудочный вирус, сейчас – образец деловитой сноровки: промакивает дочери лоб, поддерживает ее за худенькие плечи, вытирает салфетками рот.

– Ты справишься, – говорит он Кейт каждый раз, как ее рвет, но слова эти, скорее, нужны ему самому.

А я тоже сама себя удивляю. С мрачной решимостью устраиваю балетный танец из споласкивания тазика для рвоты и возвращения его на место. Если сосредоточиться на укладывании мешков с песком на пляже, можно пропустить приближение цунами.

Попробуйте решить эту проблему как-нибудь иначе, и вы просто сойдете с ума.

Брайан привозит в больницу Джесса, чтобы мальчику сделали анализ крови: просто укололи палец. Его приходится держать отцу и еще двоим мужчинам. Джесс орет на всю больницу. Я стою позади, скрестив руки, и, естественно, думаю о Кейт, которая два дня назад перестала плакать во время процедур.

Какой-нибудь врач посмотрит на взятый образец крови и

проанализирует незримо плавающие в нем шесть белков. Если они такие же, как у Кейт, значит Джесс подходит по HLA¹¹ и будет потенциальным донором костного мозга для сестры.

Насколько плохим может оказаться расхождение, чтобы перекрыть эти шесть белков?

Настолько же, как заболеть лейкемией, начнем с этого.

Флеботомист уходит с образцом крови. Брайан и его помощники отпускают Джесса. Тот соскакивает со стола и бросается ко мне.

– Мама, они меня укололи. – Он показывает замотанный пластырем палец и прислоняется к моей руке горячим влажным лбом.

Я прижимаю его к себе и произношу все, что нужно сказать. Но мне так трудно испытывать к нему жалость.

– К несчастью, ваш сын не подходит для донорства, – сообщает доктор Чанс.

Я фокусирую взгляд на чахлом, побуревшем цветке, который так и стоит на подоконнике. Лучше бы его выбросили. И заменили на орхидею, стрелицию или еще какой-нибудь цветок невероятной красоты.

– Возможно, донор не родственник отыщется в национальном реестре.

Брайан тянется вперед – напряженный, одеревеневший.

– Но вы говорили, что делать пересадку от донора не род-

---

¹¹ HLA (human leukocyte antigen) – лейкоцитарный антиген человека.

ственника опасно.

– Говорил, – отзывается доктор Чанс, – но иногда у нас не остается другого выбора.

– А если вы не найдете подходящего донора в реестре? – Я в упор смотрю на доктора Чанса.

– Ну... – врач потирает лоб, – тогда мы попытаемся сделать так, чтобы она продержалась до того момента, когда наука придумает что-нибудь еще.

Он говорит о моей маленькой дочери так, будто она какой-то механизм – машина с прохуdivшимся карбюратором, самолет, не выпускающий шасси. Но я не могу смириться с этим. Отворачиваюсь и мельком замечая, как один из жухлых листов хлорофитума совершает суицидальный прыжок на ковер. Тогда я встаю и без всяких объяснений беру в руки горшок с цветком. Покидаю кабинет доктора Чанса, прохожу мимо администратора и вереницы шокированных родителей, которые ждут в коридоре со своими больными детьми. Вытряхиваю растение вместе с иссушенной землей в первую попавшуюся урну. Смотрю на оставшийся у меня в руках горшок и уже подумываю, не разбить ли его о кафельный пол, как вдруг слышу у себя за спиной голос.

– Сара, с вами все в порядке? – окликает меня доктор Чанс.

Я медленно разворачиваюсь, в глазах стоят слезы.

– Все в порядке. Я здорова. И проживу долго-долго. – Я передаю ему горшок и извиняюсь; он кивает и протягивает

мне вынутый из кармана платок. – Я думала, Джесс сможет спасти ее. Я хотела, чтобы это был Джесс.

– Мы все этого хотели, – отвечает доктор Чанс. – Послушайте, двадцать лет назад выживало гораздо меньше людей. И я знал много семей, в которых один из детей оказывался неподходящим донором, а второй годился.

«У нас только эти двое», – собираюсь ответить я, а потом понимаю, что доктор Чанс говорит о семье, которой у меня еще нет, о детях, которых я не собиралась заводить. Я поворачиваюсь к нему с вопросом на губах.

– Брайан будет волноваться, куда мы пропали. – Доктор поворачивается к кабинету с горшком в руке и спрашивает, как бы между прочим: – Какое растение труднее всего загубить?

Так легко предположить, что если ваш мир замер в абсолютной неподвижности, то же произошло и со всеми людьми. Однако сборщик мусора забрал наш и оставил на обычном месте пустые баки. Под косяк входной двери засунут счет за доставку газа. На тумбе в прихожей – аккуратная стопка пришедшей за неделю почты. Удивительно, но жизнь продолжается.

Кейт отпустили домой через неделю после госпитализации для проведения первого курса химиотерапии. Катетер так и торчит из ее груди, выпирая из-под блузки. Медсестры поговорили со мной на прощание, чтобы вселить бодрость,

и дали длинный список инструкций, которые следует выполнять: в каких случаях нужно, а в каких нет вызывать «скорую помощь»; когда нас ждут для очередного курса химиотерапии; какие предосторожности необходимо соблюдать, пока у Кейт снижен иммунитет.

В шесть утра на следующий день дверь в нашу спальню открывается. Кейт на цыпочках крадется к кровати, хотя мы с мужем сразу проснулись.

– Что случилось, милая? – спрашивает Брайан.

Она не отвечает, поднимает руку и проводит пальцами по волосам. Они отваливаются толстыми пучками и снежной поземкой падают на пол.

– Все, – заявляет Кейт за ужином через несколько дней.

Ее тарелка полна; она не притронулась ни к фасоли, ни к мясу. Пританцовывая, девочка отправляется в детскую играть.

– Я тоже. – Джесс отодвигается от стола. – Можно мне идти?

Брайан накалывает еду на вилку и отвечает:

– Нет, пока ты не съешь все зеленое.

– Ненавижу фасоль.

– Она от тебя тоже не в восторге.

Джесс глядит на тарелку Кейт:

– Пусть она тоже доест. Это нечестно.

Брайан кладет вилку на стол.

– Нечестно? – тихо произносит он. – Ты хочешь, чтобы все было по-честному? Хорошо, Джесс. В следующий раз, когда у Кейт будут брать на анализ костный мозг, мы, так и быть, разрешим тебе тоже пройти эту процедуру. Когда будем промывать ей катетер, постараемся придумать для тебя что-нибудь не менее болезненное. А в следующий раз, когда она поедет на химиотерапию...

– Брайан! – прерываю его я.

Он останавливается так же резко, как начал, и трясущейся рукой проводит по глазам. Потом его взгляд останавливается на сыне, забившемся под мой локоть.

– Я... прости меня, Джесс. Я не... – Но фраза остается недосказанной, и Брайан выходит из кухни.

Мы долго сидим в тишине. Потом Джесс поворачивается ко мне:

– Папа тоже заболел?

Я напряженно думаю, прежде чем ответить:

– С нами все будет хорошо.

Через неделю после возвращения домой посреди ночи нас будит какой-то грохот. Мы с Брайаном наперегонки бежим в комнату Кейт. Малышка лежит в кровати и так сильно дрожит, что из-за этого с тумбочки слетела лампа.

– Она вся пылает, – говорю я Брайану, щупая лоб дочери.

При выписке из больницы я про себя задавалась вопросом: как буду решать, вызывать или нет врача, если у Кейт

появятся какие-нибудь странные симптомы? Сейчас я смотрю на нее и не могу поверить: неужели я могла быть настолько глупой, чтобы сомневаться, смогу ли мгновенно определить, как выглядит больной ребенок!

– Мы едем в больницу, – заявляю я, хотя Брайан уже завернул Кейт в одеяло и вынимает ее из кровати. Мы сажаем девочку в машину, заводим мотор и только тут вспоминаем, что не можем оставить Джесса дома одного.

– Ты поедешь с ней, – говорит Брайан, прочитав мои мысли. – А я останусь здесь. – Но он не сводит глаз с Кейт.

Через несколько минут мы уже едем к больнице. Джесс, на заднем сиденье рядом с сестрой, спрашивает, зачем мы встали, если солнце еще не взошло.

В больнице Джесс спит в гнезде из наших курток. Мы с Брайаном следим, как врачи, будто пчелы над цветущим лугом, выются над дрожащим в лихорадке тельцем Кейт, высасывая из нее что нужно. У малышки берут анализы на все инфекции и делают спинномозговую пункцию, чтобы определить причину и исключить менингит. Радиолог доставляет переносной рентгеновский аппарат – нужно сделать снимок груди и проверить, не проникло ли воспаление в легкие.

Врач кладет руку мне на плечо:

– Миссис Фицджеральд, проблема с сердцем Кейт.

Панцитопения – заковыристое слово, означающее, что в организме Кейт не осталось ничего, что защищало бы ее от

инфекций. Следовательно, говорит доктор Чанс, химиотерапия сработала и бóльшая часть белых клеток крови уничтожена. Но, кроме того, это означает, что нейтропенический сепсис – инфекция, возникающая после химиотерапии, – не вероятность, а данность.

Кейт дают тайленол, чтобы сбить температуру. Берут анализы крови, мочи и мазок из горла, чтобы подобрать подходящие антибиотики. Только через шесть часов ее перестают сотрясать приступы озноба, такие сильные, что из-за них она едва не слетает с кровати.

Медсестра, которая, чтобы повеселить Кейт, заплетала ее волосы в косички, похожие на шелковистые ряды кукурузных зерен, измеряет пациентке температуру и поворачивается ко мне:

– Сара, теперь можете вздохнуть.

Личико Кейт кажется таким маленьким и белым, как те луны, которые рассматривает Брайан в своем телескопе, – спокойные, далекие, холодные. Она похожа на труп... и даже хуже, но видеть ее такой легче, чем наблюдать за страданиями бедняжки.

– Эй! – Брайан гладит меня по макушке; на другой руке у него сидит Джесс; уже почти полдень, а мы все в пижамах – даже не подумали о том, что надо бы переодеться. – Я схожу с ним в кафе пообедать. Ты чего-нибудь хочешь?

Я качаю головой, приставляю стул поближе к кровати Кейт и поправляю одеяло на ее ногах. Беру руку дочки и

сравниваю со своей.

Глаза малытки приоткрываются. Мгновение она не понимает, где находится.

– Кейт, – шепчу я, – мама здесь. – Когда она поворачивает голову и фокусирует на мне взгляд, я подношу ее ладошку к губам и целую в самую серединку. – Ты такая храбрая, – улыбаюсь я. – Хочу вырасти и стать такой, как ты.

К моему удивлению, Кейт сильно мотает головой. Голос ее как перышко, тонкая ниточка.

– Нет, мама, – отвечает она. – Тогда ты заболеешь.

В моем первом сне жидкость из капельницы вытекает слишком быстро, и моя дочь раздувается от физраствора, как воздушный шарик. Я пытаюсь отключить катетер, но он прочно присоединен к подключичной вене. В ужасе я смотрю, как черты Кейт сглаживаются, расплываются, исчезают, пока ее лицо не превращается в белый овал, который может быть кем угодно.

Во втором сне я нахожусь в родильном доме, рожаю. Мое тело – туннель, сердце пульсирует внизу живота. Возникает сильное давление, и с молниеносным напором из меня вываливается ребенок.

– Это девочка, – широко улыбаясь, говорит акушерка и передает мне малышку.

Я отдергиваю с ее лица розовое одеяло и замираю.

– Но это не Кейт!

– Конечно нет, – соглашается акушерка. – Но она все равно ваша.

Прибывший ангел одет в костюм от «Армани» и, входя в палату, гавкает в мобильник.

– Продайте его! – распоряжается моя сестра. – Мне все равно, Питер, придется ли вам установить стойку с лимонадом в Фанейл-Холле и раздавать акции за просто так. Я сказала: продайте! – Она нажимает кнопку и протягивает ко мне руки. – Ну-ну, – сюсюкает Занни, когда я начинаю плакать. – Ты действительно решила, что я послушаюсь, раз ты велела мне не приходить?

– Но...

– Факсы. Звонки. Я могу работать из дома. Кто еще станет присматривать за Джессом?

Я переглядываюсь с Брайаном, так далеко мы не загадывали. В ответ мой муж встает и неловко обнимает Занни. Джесс бросается к ней на полной скорости.

– Вы что, усыновили какого-то мальчика, Сара? Джесс не может быть таким большим... – Она снимает Джесса с коленей и наклоняется над больничной койкой, где спит Кейт. – Могу поспорить, ты меня не помнишь, – говорит Занни, глаза ее блестят. – Но я тебя не забыла.

Все произошло так просто – мы позволили ей взять на себя ответственность за нашего сына. Занни увлекает Джесса игрой в крестики-нолики и заставляя китайский ресторан,

который не занимается доставкой еды, привезти ланч. Я сижу рядом с Кейт и наслаждаюсь уверенным спокойствием сестры. Позволяю себе притвориться, что она сможет управиться с тем, что не под силу мне.

После того как Занни увозит Джесса домой, мы с Брайаном, как упоры для книг на концах полки, с двух сторон обнимаем Кейт.

– Брайан, – шепчу я, – я тут подумала...

Он шевельнулся на своем месте:

– О чем?

Я нагибаюсь вперед, чтобы поймать его взгляд:

– О том, чтобы завести ребенка.

Брайан прищуривается:

– Боже, Сара! – Он встает и поворачивается ко мне спиной. – Иисусе!

Я тоже поднимаюсь:

– Ты не так понял.

Он смотрит на меня, каждая черточка лица напряжена от боли.

– Мы не сможем просто заменить Кейт, если она умрет.

Наша дочь переворачивается на больничной койке, шурша одеялом. Я пытаюсь представить, какой она будет в четыре года, одетой в костюм для Хеллоуина; в двенадцать лет, красящей губы помадой; в двадцать, танцующей в комнате общежития.

– Я знаю. Поэтому мы должны сделать так, чтобы этого не произошло.

Среда

*Я прочту для тебя пепел, лишь попроси меня.
Вгляжусь в пламя и по серым всполохам тебе
погадаю,
По красно-черным языкам и полосам,
Определяю, как разгорается огонь
И как добегают до моря его пламя.*

Карл Сэндберг. Огненные листы

Кэмпбелл

Все мы, я считаю, обязаны своим родителям – вопрос в том, насколько сильно? Вот такая мысль проносится у меня в голове, пока моя мать разоряется по поводу очередной любовной интрижки отца. Не в первый раз мне хочется иметь брата или сестру, хотя бы ради того, чтобы отвечать на такие телефонные звонки ранним утром раз или два в неделю, а не все семь.

– Мама, – прерываю я поток откровений, – я сомневаюсь, что ей на самом деле шестнадцать.

– Ты недооцениваешь своего отца, Кэмпбелл.

Может быть, но, кроме того, мне известно, что он федеральный судья. Он может заглядываться на школьниц, но ни-

когда не сделает ничего противозаконного.

– Мам, я опоздаю в суд. Перезвоню тебе позже. – Я вешаю трубку прежде, чем она успевает возразить.

Ни в какой суд мне не нужно, и тем не менее. Глубоко вдохнув, я качаю головой и вижу глядящего на меня Джаджа.

– Причина сто шестая, почему собаки умнее людей, – говорю я. – Как только вы покидаете родительское гнездо, сразу рвете контакты с матерями.

Завязывая на ходу галстук, я иду на кухню. Моя квартира – произведение искусства. Тут нет ничего лишнего – чистый минимализм, но имеющееся – самое лучшее из всего, что можно приобрести за деньги: единственный и неповторимый черный кожаный диван; телевизор с плоским экраном на стене; запертый на ключ стеклянный шкаф, наполненный первыми изданиями книг с автографами писателей вроде Хемингуэя и Готорна; кофемашина импортирована из Италии; холодильник с отдельной морозильной камерой. Я открываю его и обнаруживаю одинокую луковицу, бутылку с кетчупом и три бобины черно-белой пленки.

Это вовсе не удивительно – я редко ем дома. Джадж так привык к ресторанной еде, что, если бы в его горло вдруг проскочил шарик сухого корма, он не признал бы это за пищу.

– Что ты думаешь? – спрашиваю я пса. – «У Розы» тебе понравится?

Он лает, а я надеваю на него упряжь собаки-поводыря. Мы

с Джаджем вместе уже семь лет. Я купил его у заводчика полицейских собак, но пса специально обучили для моих нужд. Что касается клички, ну какому адвокату не хочется то и дело сажать судью в клетку?

«У Розы» – заведение, каким мечтал бы быть «Старбакс». эклектичное и старомодное, набитое постоянными посетителями, которые в любое время дня читают русскую литературу на языке оригинала, или подводят баланс бюджета компании на ноутбуке, или пишут сценарий для фильма, заправляясь кофеином. Мы с Джаджем обычно заходим сюда и садимся за наш обычный столик в дальнем конце зала. Заказываем двойной эспрессо, два шоколадных круассана и бесстыдно флиртуем с Офелией, официанткой, которой всего двадцать один год. Но сегодня, когда мы появляемся, этой милашки нигде не видно, а за нашим столиком сидит какая-то чужая женщина и кормит ребенка в коляске пончиком с творогом. Это совершенно выбивает меня из колеи, и Джаджу приходится тащить своего хозяина к единственному свободному месту – табурету у стойки, которая обращена к улице.

Семь тридцать утра, а день уже испорчен.

Подходит с блокнотом худой, как завзятый героинщик, парнишка; на брови нанизано столько колечек, что она напоминает палку для занавески в ванной. Парень видит у моих ног пса.

– Прости, чувак, с собаками нельзя.

– Это собака-поводырь, – объясняю я. – Где Офелия?

– Она ушла, приятель. Сбежала вчера.

Сбежала? Люди все еще так поступают?

– С кем? – спрашиваю я, хотя это не мое дело.

– С каким-то артистом, который устраивает перформансы – лепит из собачьего дерьма бюсты мировых лидеров. Типа это такой вызов.

Я чувствую укол боли из-за бедняжки Офелии. Вот что я вам скажу: любовь обладает преходящим постоянством радуги – красива, пока вы ее видите, но, стоит вам моргнуть, может исчезнуть.

Официант сует руку в задний карман и протягивает мне пластиковую карточку.

– Вот меню на Брайле.

– Я хочу двойной эспresso и два круассана, и я не слепой.

– Тогда зачем вам Фидо?¹²

– У меня атипичная пневмония. Пес прикрепляет ярлыки к людям, которых я заражаю.

Официант, похоже, не догоняет, шучу я или нет. Потоптавшись, он неуверенно уходит за кофе.

В отличие от моего обычного места, отсюда видна улица. Я смотрю, как пожилая леди едва уворачивается от резко подрулившего к тротуару такси; мимо окна, приплясывая, проходит парнишка с радиоприемником на плече, в три ра-

---

¹² *Фидо* – популярная в США собачья кличка; так звали собаку президента Авраама Линкольна.

за превосходящим по размеру его голову. Одетые в форму приходской школы близнецы хихикают, прикрывшись журналом для подростков. Женщина со струящимися черной рекой волосами роняет стаканчик с кофе и обливает себе юбку.

Внутри у меня все замирает. Я жду, когда она поднимет голову, чтобы посмотреть, та ли это женщина, о которой я подумал, но она отворачивается от меня, вытирая одежду салфеткой. Автобус разрезает мир пополам, у меня звонит мобильник.

Я смотрю на входящий номер и ничуть не удивляюсь. Сбрасываю звонок, даже не удосужившись ответить матери, и оглядываюсь на женщину за окном, но к тому времени автобус уже ушел, и она тоже.

Я вхожу в кабинет и на ходу отдаю распоряжения Керри: – Позвони Остерлицу и узнай, сможет ли он выступить в качестве свидетеля на процессе Вейланда. Составь список истцов, которые возбуждали дела против «Нью-Ингленд пауэр» за последние пять лет. Сделай копию решения по Мельбурну и позвони Джерри в суд, спроси, кого назначили судьей на слушаниях по делу Фицджеральд.

Керри смотрит на меня. Звонит телефон.

– К слову сказать... – Она кивает в сторону входа в мое внутреннее святилище.

Там с банкой профессионального чистящего средства и замшевой салфеткой в руках стоит Анна Фицджеральд и по-

лирует дверную ручку.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– То, что вы сказали. – Она смотрит на собаку. – Привет, Джадж.

– Тебе звонят по второй линии, – перебивает нас Керри.

Я смотрю на нее многозначительным взглядом, мол, зачем она пустила сюда эту девчонку, мне не понять, и пытаюсь пройти в кабинет, но Анна намазала ручку чем-то жирным, и ее не повернуть. Несколько секунд вожусь с ней, но наконец Анна накрывает ручку салфеткой и открывает дверь.

Джадж делает кружок по полу, чтобы найти себе удобное место. Я давлю на мигающую огоньком кнопку переговорного устройства:

– Кэмпбелл Александер.

– Мистер Александер, это Сара Фицджеральд, мама Анны Фицджеральд.

Я держу паузу, глядя на ее дочь, полирующую ручку двери в нескольких шагах от меня.

– Миссис Фицджеральд, – наконец произношу я, и Анна, как и ожидалось, обмирает.

– Я звоню, потому что... ну, вы понимаете, все это какое-то недоразумение.

– Вы составили ответ на жалобу?

– В этом нет необходимости. Вчера вечером я поговорила с Анной, и она не собирается продолжать этот процесс. Она хочет сделать все возможное для Кейт.

– Вот как... – Голос мой становится безучастным. – К сожалению, если моя клиентка планирует отозвать иск, мне нужно услышать это лично от нее. – Я приподнимаю бровь, ловя взгляд Анны. – Вы не знаете, где она?

– На пробежке, – отвечает Сара Фицджеральд. – Но мы собираемся зайти в суд сегодня во второй половине дня. Поговорим с судьей и все уладим.

– Полагаю, там мы с вами и увидимся. – Я кладу трубку, складываю на груди руки и смотрю на Анну. – Ты ничего не хочешь мне сказать?

Она пожимает плечами:

– Вообще-то, нет.

– Кажется, твоя мать думает иначе. Но, кроме того, у нее создалось впечатление, что ты изображаешь из себя Фло Джо¹³.

Анна бросает взгляд в сторону приемной, где сидит Керри, которая, естественно, жадно ловит каждое наше слово. Девочка закрывает дверь и подходит к моему столу:

– После вчерашнего вечера я не могла сказать ей, что пойду сюда.

– А что случилось вчера вечером? – Анна молчит, и я теряю терпение. – Послушай, если ты не собираешься продолжать этот судебный процесс... если это колоссальная трата моего времени... тогда я был бы весьма признателен тебе,

---

¹³ *Фло Джо (Флоранс Гриффит Джойнер)* – знаменитая американская бегунья.

если бы ты честно сказала мне об этом сейчас, а не когда-нибудь потом. Я ведь не семейный психолог и не твой лучший друг, я твой адвокат. И чтобы быть им, мне нужно дело. Поэтому я спрашиваю тебя еще раз: ты изменила решение и больше не хочешь подавать иск?

Я рассчитываю этой тирадой положить конец тяжбе, посадив Анну в дрожащую лужу нерешительности. Однако, к моему удивлению, девочка смотрит на меня в упор, спокойная и собранная.

– Вы еще готовы представлять мои интересы? – спрашивает она.

И вопреки голосу разума я отвечаю «да».

– Тогда я отвечу «нет», – говорит Анна. – Я не изменила решения.

В первый раз я с отцом участвовал в гонках на яхтах в четырнадцать лет, и он был настроен решительно против этого. Я еще не дорос, не созрел, да и погода слишком неустойчивая. На самом деле говорил он следующее: раз я напросился к нему в команду, то он скорее потеряет кубок, чем выиграет его. Для моего отца, если ты не совершенен, тебя просто не существует.

Его яхта относилась к классу «USA-1», красавица из тика и красного дерева, купленная у гитариста Дж. Гейлса в Марблхеде. Другими словами – мечта, статусный символ, ритуал посвящения, обернутые в белоснежный парус и заключен-

ные в корпус медового цвета.

Мы отлично взяли старт – пересекли линию на полной скорости в самый момент выстрела. Я изо всех сил старался быть на шаг впереди и оказываться там, где был нужен, чуть раньше времени – поворачивал руль на миг раньше, чем отец отдавал команду, перекидывал парус и натягивал линии, пока мышцы мои не запылали от напряжения. И может быть, все прошло бы удачно, но вдруг с севера налетел штормовой ветер, он принес с собой дождь, поднял волны до десяти футов высотой и стал швырять нас с гребня в пучину.

Я смотрел на отца, который быстро двигался по яхте в желтом дождевике. Казалось, он вообще не замечал, что идет дождь; он точно не собирался забиваться в нору, хвататься за живот из-за тошноты и умирать, как я.

– Кэмпбелл! – крикнул он. – Иди сюда!

Но повернуться против ветра означало в очередной раз прокатиться на «американских горках».

– Кэмпбелл, – повторил отец, – давай же.

Перед нами разверзлась бездна, лодка так резко клюнула носом, что я потерял равновесие. Отец пролетел мимо меня, хватаясь за руль. На какое-то чудесное мгновение парус замер. Потом гик со свистом перелетел на другую сторону, и яхта сменила курс на противоположный.

– Нужно определить координаты, – приказал отец.

Это означало – спуститься в каюту, где лежали карты, и, произведя математические вычисления, выяснить, в каком

направлении нам нужно идти, чтобы добраться до следующего буйка. Но когда я оказался внизу, не на свежем воздухе, мне стало совсем худо. Я развернул карту, и меня вырвало прямо на нее.

Отец, разумеется, пришел за мной, ведь я не вернулся с ответом. Он просунул голову в дверь и увидел, что я сижу посреди лужи собственной блевоты.

– Бог мой! – буркнул папаша и скрылся.

Мне потребовалось собрать все оставшиеся силы, чтобы подняться наверх вслед за ним. Он то крутил колесо, то дергал руль. Притворялся, что не замечает меня. А когда перекинул парус, не крикнул заранее, что сделает это. Парус с хлопком выгнулся в другую сторону, будто разорвался шов на небе. Гик перелетел от одного борта к другому и походя треснул меня по затылку, послав в нокаут.

Очнулся я, когда отец снимал ветер с парусов другой яхты за несколько футов от финишной черты. Дождь превратился в туман, а отец умудрился поймать в парус воздушный поток и отрезать от него нашу соперницу, так что та отстала. Мы выиграли буквально пару секунд.

Мне было велено убрать за собой и вызвать себе такси, а сам отец отправился на рыбацкой плоскодонке в яхт-клуб праздновать победу. Через час, когда я наконец появился в клубе, отец был уже навеселе – он пил виски из выигранного хрустального кубка.

– А вот и твоя команда, Кэм, – крикнул кто-то из его при-

ателей. Отец, уже сильно пьяный, приветственно поднял кубок, а потом так грохнул им по барной стойке, что подставка раскололась.

– О, – произнес другой моряк. – Какая жалость!

Отец, не отрывая от меня глаз, сказал:

– Верно.

На заднем бампере едва ли не каждой третьей машины в Род-Айленде вы увидите красно-белую наклейку в память о жертвах одного из самых распространенных в штате преступлений: «Мою подругу Кэти Декьюбелис убил пьяный водитель», «Моего друга Джона Сиссона убил пьяный водитель». Их раздают на школьных ярмарках, во время кампаний по сбору средств, в салонах красоты, и не имеет значения, были ли вы знакомы лично с погибшим ребенком; вы прикрепляете стикер на бампер из солидарности и тайной радости, что трагедия произошла не с вами.

В прошлом году появились красно-белые наклейки с именем новой жертвы: Дена Десальво. В отличие от других жертв, с этой девочкой, двенадцатилетней дочкой судьи, я был немного знаком. Ее отец, как сообщалось, не совладал с собой во время судебного разбирательства, происходившего вскоре после похорон, и взял отпуск на три месяца, чтобы справиться с горем. Именно его по случайному стечению обстоятельств и назначили вести слушания дела Анны Фицджеральд.

По пути в Гаррай-комплекс, где находится суд по семейным делам, я размышляю, сможет ли человек, обремененный таким грузом личной трагедии, разбирать дело, в котором победа моей клиентки ускорит смерть ее сестры-подростка.

У входа стоит новый судебный пристав, мужчина с толстой, как ствол мамонтового дерева, шеей и, вероятно, соответствующими мыслительными способностями.

– Простите, – говорит он, – с животными нельзя.

– Это собака-поводырь.

Смущенный пристав наклоняется вперед и заглядывает мне в глаза. Я делаю то же, повторяя за ним.

– У меня близорукость. Пес помогает мне читать дорожные знаки.

Обойдя стража порядка, мы с Джаджем направляемся по коридору в зал суда.

Внутри препирается с секретарем мать Анны Фицджеральд. Это мое предположение, хотя на самом деле женщина ничуть не похожа на стоящую рядом с ней дочь.

– Я вполне уверена, что в данном случае судья все поймет, – заявляет Сара Фицджеральд.

Муж ждет развязки в нескольких футах от нее, стоит отдельно.

Анна замечает меня, и по ее лицу пробегает волна облегчения.

– Я Кэмпбелл Александер, – обращаюсь я к секретарю. –

Что происходит?

– Я пытался объяснить миссис Фицджеральд, что мы допускаем в кабинет судьи только адвокатов.

– Я здесь, чтобы представлять интересы Анны.

Секретарь смотрит на Сару Фицджеральд:

– А кто представляет вашу сторону?

Мать Анны на мгновение теряется, потом поворачивается к мужу:

– Это все равно что ехать на велосипеде.

Муж качает головой:

– Ты уверена, что хочешь сделать это?

– Я не хочу этого делать. Мне приходится.

Слова сходятся, как зубцы на колесиках часового механизма.

– Погодите, – говорю я. – Вы адвокат?

– Да, – отвечает Сара.

Я недоуменно гляжу на Анну:

– И ты не упомянула об этом?

– Вы не спрашивали, – шепчет та.

Секретарь выдает нам формы заявления об участии в процессе и вызывает шерифа.

– Верн, – улыбается Сара, – как приятно снова видеть тебя.

О, становится все интереснее!

– Привет! – Шериф целует ее в щеку, пожимает руку мужу. – Брайан...

Значит, она не только сама адвокат, у нее под рукой еще и все слуги общества.

– Воссоединение семьи закончилось? – спрашиваю я, и Сара выкатывает глаза, глядя на шерифа, мол: «Этот парень придурок, но что поделаешь?» – Оставайся здесь, – говорю я Анне и иду вслед за ее матерью к кабинету судьи.

Судья Десальво – невысокий человек со сросшимися бровями, любитель кофе со сливками.

– Доброе утро, – произносит он. – Почему с собакой?

– Это собака-поводырь, Ваша честь.

Не успевает он продолжить тему, как я завожу непринужденную беседу, какими отмечена каждая встреча в суде в Род-Айленде. Штат у нас маленький, еще меньше сообщество служителей закона. Ваша помощница без диплома юриста вполне может оказаться племянницей или невесткой судьи, с которым вы встречаетесь, и это не только вероятно, но, скорее всего, так и есть. Пока мы разговариваем, я поглядываю на Сару, которой нужно разобраться, кто из нас участвует в этой игре, а кто нет. Может, она и была адвокатом, но не в течение тех десяти лет, что я занимаюсь этим делом.

Сара нервничает, теребит край блузки. Судья Десальво замечает ее состояние.

– Я не знал, что вы снова практикуете.

– Я не собиралась заниматься этим, Ваша честь, но истица – моя дочь.

При этих словах судья поворачивается ко мне:

– Что это значит, советник?

– Младшая дочь миссис Фицджеральд просит освобождения от родительской опеки по медицинским вопросам.

Сара отрицательно качает головой:

– Это неправда, судья. – (Услышав свою кличку, мой пес поднимает взгляд.) – Я говорила с Анной, и она сказала, что ничего такого у нее и в мыслях нет. Просто выдался неудачный день, и она захотела привлечь к себе внимание. – Сара пожимает одним плечом. – Вы же знаете, как бывает с тринадцатилетними девочками.

В комнате наступает гробовая тишина. Я слышу биение собственного пульса. Судье Десальво не известно, какими бывают тринадцатилетние девочки. Его дочь погибла в двенадцать.

Сара краснеет. Она знает о судьбе Дены Десальво, как все в нашем штате. Кажется, на ее минивэне есть та самая наклейка.

– О боже, простите меня! Я не имела в виду...

– Мистер Александер, когда вы в последний раз говорили со своей клиенткой?

– Вчера утром, Ваша честь. Она была у меня в кабинете, когда ее мать звонила мне, чтобы сказать, что все это произошло от недопонимания.

У Сары отвисает челюсть, что вполне предсказуемо.

– Этого не могло быть. Она отправилась на пробежку.

Я смотрю на нее:

– Вы в этом уверены?

– Предполагалось, что она на пробежке...

– Ваша честь, – говорю я, – хочу обратить на это особое внимание как на причину, по которой прошение Анны заслуживает удовлетворения. Ее мать не знает точно, где находится дочь в каждое конкретное утро. Медицинские решения, касающиеся Анны, принимаются так же необдуманно...

– Советник, постойте. – Судья поворачивается к Саре. – Дочь сказала вам, что хочет отозвать исковое заявление?

– Да.

Он смотрит на меня:

– А вам она заявила, что желает продолжать процесс?

– Именно так.

– Тогда я должен побеседовать с самой Анной.

Судья встает и выходит из кабинета, мы идем следом.

Анна сидит на скамье в коридоре вместе с отцом. Шнурок на одной кроссовке развязался.

– Я вижу что-то зеленое¹⁴, – слышу ее слова, а потом она поднимает взгляд.

– Анна... – произносим мы с Сарой Фицджеральд в один голос.

Это моя обязанность – объяснить Анне, что судья Десаль-

---

¹⁴ «Я вижу что-то зеленое». – Анна с отцом играют в игру: один игрок загадывает предмет из тех, что видит вокруг, и называет его цвет, другой отгадывает, что это.

во хочет переговорить с ней с глазу на глаз. Я должен подготовить ее, чтобы она отвечала правильно и судья не закрыл дело, прежде чем она добьется желаемого. Она – моя клиентка и по определению должна следовать моим советам.

Но когда я называю ее по имени, она поворачивается к матери.

Анна

Не думаю, что кто-нибудь придет на мои похороны. Родители, может быть, тетя Занни и мистер Оллинкотт, учитель по обществознанию. Я мысленно представляю то кладбище, на которое мы ходили, когда хоронили бабушку, хотя это было в Чикаго, так что вспоминать его довольно нелепо. Там будут холмы, переливчатые, как зеленый бархат, статуи богов и ангелов и еще огромная коричневая яма в земле, похожая на разорванный шов и ждущая, когда она сможет поглотить тело, бывшее мною.

Представляю свою всхлипывающую мать в черной шляпке с вуалью. Поддерживающего ее за локоть отца. Кейт и Джесса. Они таращатся на блестящий гроб и пытаются выпросить прощение у Господа за все те мелкие пакости, которые сделали мне. Возможно, придет кто-нибудь из моей хоккейной команды, сжимая в руке лилии и стараясь не терять присутствия духа.

– Вот Анна, – скажут они и не станут лить слез, хотя им и захочется всплакнуть.

На двадцать четвертой полосе газеты поместят некролог, может быть, его увидит Кайл Макфи и придет на похороны, его прекрасное лицо омрачится при мысли о том, что было бы, если бы у него была такая девчонка, которой, вообще-то, никогда не было. Думаю, там будут цветы – душистый горо-

шек, львиный зев и голубые шары гортензии. Надеюсь, кто-нибудь споет «О, благодать, спасен Тобой», не один известный всем первый куплет, а весь гимн целиком. Когда минует осень и выпадет снег, мой образ то и дело будет приливной волной всплывать у них в голове.

На похороны Кейт явятся все: медсестры из больницы, ставшие нашими друзьями, и другие больные раком, продолжающие считать свои счастливые звезды, и жители города, которые помогали собирать деньги на ее лечение. Придется отгонять плакальчиков от ворот кладбища. А траурных корзин с цветами принесут так много, что некоторые раздадут бедным. В газете напишут историю короткой и трагической жизни Кейт.

Помяните мое слово, она появится на первой полосе.

У судьи Десальво на ногах шлепанцы, как у футболистов, когда они снимают бутсы. Не знаю почему, но мне от этого становится спокойнее. Хватает того, что я нахожусь в суде и меня ведут в его кабинет где-то в глубине здания. Приятно думать, что не я одна не вписываюсь в обстановку.

Судья вынимает из карликового холодильника банку и спрашивает, чего я хочу выпить.

– От колы не откажусь.

Он открывает банку.

– Ты знаешь, что, если положить в стакан с колой молочный зуб, через несколько недель он полностью растворится?

Угольная кислота. – Судья улыбается. – Мой брат работает дантистом в Уорике. Каждый год показывает этот фокус в детском саду.

Я делаю глоток колы и представляю, как мои внутренности растворяются. Судья Десальво не садится за стол, вместо этого он устраивается на стуле рядом со мной.

– Есть она проблема, Анна. Твоя мама говорит мне, что ты хочешь сделать одно. А твой адвокат утверждает, что ты намерена поступить иначе. При обычных обстоятельствах я бы решил, что мама знает тебя лучше, чем человек, с которым ты познакомилась пару дней назад. Но ты никогда бы с ним не встретилась, если бы не искала этой встречи, чтобы воспользоваться его помощью. И это наводит меня на мысль о необходимости услышать твое мнение обо всем этом.

– Можно мне кое о чем спросить вас?

– Конечно.

– Обязательно должен состояться суд?

– Ну... твои родители могут просто согласиться на медицинскую эмансипацию, и на этом дело закончится, – отвечает судья.

Как будто именно так всегда и происходит.

– С другой стороны, если кто-то подает иск, как ты, например, тогда ответчики – в данном случае твои родители – обязаны явиться в суд. Если они действительно уверены, что ты не готова принимать такие решения самостоятельно, то должны представить мне свои доводы, в противном случае я

могу вынести вердикт в твою пользу по умолчанию.

Я киваю. Я сказала себе, что сохраню спокойствие, как бы ни сложилась ситуация. Если развалюсь на куски, судья сразу посчитает меня не способной ничего решать. Намерения были прекрасные, но вид Десальво, подносящего к губам банку с яблочным соком, как-то меня расслабил.

Не так давно Кейт привезли в больницу для проверки почек, новая медсестра дала ей какую-то склянку и попросила сдать мочу на анализ.

– Лучше подготовить все к тому моменту, когда я вернусь, – строго сказала она.

Кейт, которая не приходит в восторг, получая резкие приказания, решила, что эту тетку нужно проучить. Она послала меня к торговому автомату и попросила купить такой же сок, какой пил судья, перелила содержимое банки в выданную ей посудину и, когда медсестра вернулась, подняла ее к свету.

– Гм... – задумчиво произнесла Кейт. – Выглядит немного мутной. Лучше отфильтровать ее еще раз. – С этими словами она поднесла склянку к губам и выпила все до дна.

Медсестра побледнела и вылетела из палаты. Мы с Кейт хохотали до рези в животе. До самого вечера нам нужно было только встретиться взглядами, и мы растворялись в веселье.

Как зуб, а потом ничего не осталось.

– Анна? – Судья Десальво подталкивает меня к ответу, ставит на стол эту дурацкую банку с соком, и я бросаюсь в слезы.

– Я не могу отдать почку сестре. Просто не могу.

Не говоря ни слова, судья подает мне пачку бумажных платочков. Я сминаю один в комок, вытираю глаза и нос. Некоторое время Десальво молчит, давая мне передышку. Когда я поднимаю голову, то вижу, что он терпеливо ждет.

– Анна, ни одна больница в этой стране не станет брать органы у донора, который не желает их отдавать.

– А кто, по-вашему, подписывает согласие? – спрашиваю я. – Разумеется, не ребенок, привезенный в операционную на каталке, а его родители.

– Ты не ребенок и, безусловно, можешь открыто высказать возражения, – заверяет меня судья.

– О, это верно, – произношу я и снова заливаюсь слезами. – Когда ты жалуешься после десятого укола иглой, тебя утешают, мол, ничего страшного, это обычная процедура. Взрослые переглядываются с фальшивыми улыбками и говорят друг другу: никто не станет напрашиваться, чтобы ему воткнули побольше игл. – Я сморкаюсь в платок. – Почка – это сегодня. Завтра потребуется что-нибудь еще. Всегда нужно что-нибудь еще.

– Твоя мама сказала, что ты хочешь прекратить дело, – говорит судья. – Она солгала мне?

– Нет. – Я с трудом сглатываю.

– Тогда... почему ты солгала ей?

На этот вопрос есть сотня разных ответов. Я выбираю самый простой.

– Потому что я люблю ее. – (Слезы снова катятся из глаз.) – Простите. Мне и правда очень стыдно.

Десальво в упор смотрит на меня:

– Знаешь что, Анна, я, пожалуй, назначу кого-нибудь, кто поможет твоему адвокату разобраться и подскажет мне, что лучше для тебя. Как тебе такой выход?

Волосы свешиваются на лицо, я убираю их за ухо. Сажусь вся красная и опухшая.

– Хорошо, – отвечаю я.

– Ладно. – Судья нажимает кнопку переговорного устройства и просит, чтобы сюда прислали всех остальных.

Первой в кабинет заходит мама и сразу направляется ко мне, но ей отрезают путь Кэмпбелл и его пес. Адвокат приподнимает брови и показывает мне большие пальцы, но это вопрос.

– Я не вполне понимаю, что происходит, – говорит между тем судья Десальво, – поэтому назначаю опекуна – представителя по судебному делу, который проведет с Анной две недели. Нет смысла упоминать о том, что я ожидаю полного содействия от обеих сторон. Опекун представит мне отчет, и тогда мы устроим слушания. Если к тому моменту выяснится нечто такое, о чем мне необходимо знать, захватите эти сведения с собой.

– Две недели... – произносит мама, и я знаю, о чем она думает. – Ваша честь, со всем уважением к вам, должна заметить, что две недели – это очень долгий срок, учитывая

тяжесть заболевания моей старшей дочери.

Мама совсем на себя не похожа, я ее не узнаю. Раньше она казалась мне то тигрицей, которая борется с медлительностью медицинской системы, то каменной скалой, за которую могли цепляться мы все, то боксершей, готовой принять очередной удар судьбы. Но в роли адвоката я еще ни разу не видела ее.

– Хорошо, – кивает судья Десальво. – Тогда мы проведем слушания в следующий понедельник. А пока я хочу, чтобы медицинскую карту Кейт доставили в...

– Ваша честь, – вмешивается Кэмпбелл Александер, – как вы прекрасно знаете, в связи с необычными обстоятельствами этого дела моя клиентка проживает вместе с адвокатом противной стороны. Это вопиющее нарушение закона.

Моя мать резко втягивает ноздрями воздух:

– Вы что же, предлагаете, чтобы у меня забрали ребенка? *Забрали? Куда же я пойду?!*

– Я не могу быть уверенным, Ваша честь, что адвокат противной стороны не попытается использовать факт совместного проживания с истицей к своей выгоде и оказать давление на мою клиентку. – Кэмпбелл, не мигая, смотрит на судью.

– Мистер Александер, я ни при каких условиях не стану забирать девочку из дома, – отвечает Десальво, но потом поворачивается к моей матери. – Тем не менее, миссис Фицджеральд, вы не должны говорить об этом деле со своей до-

черью без ее адвоката. Если вы не согласны или мне станет известно о каком-либо нарушении запрета переступить эту домашнюю Китайскую стену, я могу прибегнуть к более решительным действиям.

– Все понятно, Ваша честь, – отвечает мама.

– Тогда, – судья Десальво встает, – увидимся с вами на следующей неделе. – Он выходит из кабинета, шлепанцы, причмокивая, глухо стучают по кафельному полу.

Как только судья удаляется, я поворачиваюсь к матери. Хочется крикнуть: «Я все объясню!» – но слова не идут с языка. В руку тычется влажный нос. Джадж. И мое сердце – сбежавший поезд – сбавляет ход.

– Мне нужно поговорить с моей клиенткой, – заявляет Кэмпбелл.

– В данный момент она моя дочь, – отвечает мама, берет меня за руку и сдергивает со стула.

На пороге я оглядываюсь. Кэмпбелл кипит от ярости. Я могла бы и раньше сказать ему, что все закончится именно так. Дочь козырем бьет любые карты, какая бы ни шла игра.

Третья мировая война разгорается немедленно, не из-за убитого эрцгерцога или сумасшедшего диктатора, но из-за пропущенного левого поворота.

– Брайан, это не Северная Парк-стрит. – Мама выгибает шею.

Отец моргает глазами, выбираясь из тумана мыслей.

– Надо было сказать раньше, пока я не проехал мимо.

– Я сказала.

– Я не слышала, – встречаю я, не успев оценить, чего мне будет стоить вмешательство в чужую битву.

Мама поворачивает голову:

– Анна, твое участие мне сейчас нужно меньше всего.

– Я просто...

Она выставляет руку, как перегородку между водителем и пассажиром в такси, и качает головой.

Я заваливаюсь на бок на сиденье и поджимаю под себя ноги. Смотрю в заднее стекло, чтобы видеть только темноту.

– Брайан, ты снова его пропустил, – говорит мама.

Когда мы заходим в дом, мать на всех парах пролетает мимо открывшей дверь Кейт, мимо Джесса, который смотрит какой-то засекреченный канал «Плейбоя» по телевизору. На кухне она открывает дверцы шкафчиков, хлопает ими. Достает еду из холодильника и с грохотом швыряет ее на стол.

– Привет! – говорит отец Кейт. – Как ты себя чувствуешь?

Та, не обращая на него внимания, быстро идет на кухню.

– Что случилось?

– Что случилось? Ну... – Мама прищипливает меня к месту взглядом. – Спроси лучше у своей сестры, что случилось.

Кейт поворачивается, глядя на меня во все глаза.

– Удивительно, какая ты тихая, когда судья тебя не слышит, – замечает мама.

Джесс выключает телевизор:

– Она заставила вас говорить с судьей? Черт, Анна!

Мама закрывает глаза:

– Джесс, знаешь, было бы хорошо, если бы ты сейчас ушел.

– Тебе не придется просить меня дважды, – отвечает он голосом, полным осколков стекла.

Мы слышим, как открывается и закрывается входная дверь, вот и вся недолга.

– Сара, – на кухню заходит отец, – нам всем нужно немного остыть.

– Моя дочь только что подписала своей сестре смертный приговор, и после этого я должна остыть?

На кухне становится так тихо, что мы все слышим шепот холодильника. Слова матери висят в воздухе перезрелым плодом, а когда они шмякаются на пол, она вздрагивает и лихорадочно принимается действовать.

– Кейт, я не должна была так говорить. Я не то имела в виду.

В нашей семье накопилась мучительная история умолчаний – мы не говорим о том, что следовало бы сказать, и как будто не имеем в виду того, что на самом деле имели. Кейт прикрывает рот рукой. Пятится задом, ударяется об отца, который неловко пытается поймать ее, не дать уйти наверх. Я слышу, как с грохотом захлопывается дверь в нашу спальню. Мама, конечно, идет вслед за Кейт.

А я делаю то, что у меня получается лучше всего: двигаюсь в противоположном направлении.

Есть ли на свете место, где пахнет лучше, чем в автоматической прачечной? Она напоминает дождливый воскресный день, когда никуда не нужно идти и можно не вылезать из-под одеяла, или только что скошенную отцом траву – усладу для носа. Когда я была маленькой, мама вынимала из сушилки горячую одежду и наваливала ее на меня, сидевшую на диване. Я представляла себе, что это шкура, внутри которой спрятана я сама – одно большое сердце.

А еще в этих прачечных мне нравится то, что они притягивают к себе одиноких людей, как металл магниты. В дальнем углу на скамейке из скрепленных между собой стульев дремлет парень в армейских ботинках и футболке с надписью «Нострадамус был оптимистом». Женщина у бельевого стола, сглатывая слезы, перебирает грудку мужских рубашек. Соберите в автоматической прачечной десять человек, и велики будут шансы, что вы окажетесь не самым несчастным из них. Я сажусь напротив ряда стиральных машин и пытаюсь сопоставить крутящиеся в них вещи с ожидающими конца стирки людьми. Розовые трусики и кружевная ночнушка наверняка принадлежат девушке, читающей любовный роман. Красные шерстяные носки и клетчатая рубашка – вещи неряшливого спящего студента. Футбольные толстовки и детские комбинезоны носит девчушка, которая упорно про-

тягивает белые лоскуты вещей из сушилки своей матери, самозабвенно болтающей по мобильнику. Что за люди могут позволить себе иметь мобильный телефон, но не собственную стиральную машину с сушилкой?

Иногда я мысленно играю в игру: пытаюсь представить себя тем человеком, вещи которого крутятся у меня перед глазами. Если бы я стирала эти плотничьи джинсы, может быть, работала бы кровельщиком в Фениксе, у меня были бы сильные руки и загорелая спина. А если бы моим было это постельное белье в цветочек, вероятно, я приехала бы на каникулы из Гарварда, где изучала криминалистику. Если бы мне принадлежала эта атласная накидка, я, наверное, имела бы сезонный абонемент на балет. А потом я пытаюсь вообразить, как занимаюсь всеми этими вещами, и не могу. Я всегда вижу себя только донором Кейт, каждый эпизод этой истории имеет продолжение в будущем.

Мы с Кейт – сиамские близнецы, только места, где мы срослись, не видно. От этого разделить нас еще сложнее.

Подняв взгляд, я вижу стоящую надо мной девушку, которая работает в прачечной. У нее голубые дреды и кольцо в губе.

– Нужна мелочь? – спрашивает она.

Сказать по правде, я боюсь услышать свой ответ.

Джесс

Я ребенок, игравший со спичками. Все время таскал их с полки над холодильником и приносил в родительскую уборную. Вы знали, что лосьон для тела «Джин Нейт» горит? Пролейте его, поднесите спичку, и на полу вспыхнет огонь. Он пылает синим пламенем, а когда спирт выгорает, гаснет.

Однажды Анна застала меня в ванной, когда я ставил там опыты.

– Эй, смотри-ка сюда, – сказал я.

Накапал немного средства на пол в виде ее инициалов, а потом поджег. Я думал, она побежит ябедничать, но вместо этого Анна села на край ванны, взяла в руки бутылку с лосьоном, нарисовала на полу несколько загогулин и попросила меня повторить фокус.

Анна – единственное доказательство, что я родился в этой семье, а не был оставлен на пороге какими-нибудь Бонни и Клайдом, которые после этого скрылись в ночи. На поверхности мы с ней полные противоположности, а внутри совсем одинаковые. Люди думают, будто знают, что получают, и всегда ошибаются.

Да пошли они все куда подальше! Эти слова могли бы татуировкой проявиться у меня на лбу, столько раз я мысленно произносил их. Обычно я нахожусь в пути, гоняю на своем

джипе, пока у меня легкие не отказывают. Сегодня я несусь на скорости девяносто пять миль в час по шоссе 95. Играю в шашечки на дороге, сшивая шов. Люди орут на меня из-за стекол машин, я показываю им палец.

Если бы я перескочил на джипе ограждение набережной, это решило бы массу проблем. Нельзя сказать, что я об этом не задумывался, вы понимаете. В моих правах написано, что я – донор органов, но, по правде говоря, меня правильнее считать смертником органов. Я уверен, что гораздо ценнее буду мертвым, чем живым, – сумма частей больше, чем целое. Интересно, кто будет разгуливать с моей печенью, легкими, может, даже яйцами. Интересно, какому бедному ослу достанется то, что считается во мне сердцем.

К своему огорчению, я выхожу из игры без единой царапины. Сворачиваю на съезд и качу по Алленс-авеню. Тут есть тоннель, в котором я наверняка найду Дюрасела Дана. Это бездомный чувак, ветеран Вьетнама, который бóльшую часть времени проводит, собирая выброшенные в мусор батарейки. Какого черта он делает с ними, я не знаю. Он их вскрывает, это мне известно. Говорит, что ЦРУ прячет сообщения для своих оперативников в батарейках «Энерджайзер» типа АА, а ФБР предпочитает «Эвридейс».

У нас с Даном уговор: несколько раз в неделю я приношу ему еду из «Макдоналдса», а он взамен следит за моим добром. Я застаю своего приятеля скрючившимся над книгой по астрологии, которую он считает своим манифестом.

– Дан, как дела? – спрашиваю я, отдавая ему бигмак.

Бродяга прищуривается.

– Луна будоражит Водолея. – Он сует в рот кусочек картофеля фри. – Не надо было мне вылезать из постели.

У Дана есть постель? Это для меня новость.

– Сочувствую. Мое барахлишко на месте?

Он кивает в сторону стоящих за бетонной колонной бочек, где держит мои вещи. Доисторических времен кислота, которую я стянул из химической лаборатории в старшей школе, не тронута, в другой бочке – опилки. Я сую набитую ими наволочку под мышку и тащу ее к машине. Рядом с дверцей меня поджидает Дан.

– Спасибо.

Бродяга прислоняется к тачке, не давая мне залезть внутрь.

– Для тебя передали послание.

Хотя все, что вылетает изо рта Дана, – полная чушь, живот у меня скручивает.

– Кто?

Он смотрит на дорогу, потом на меня.

– Сам знаешь. – Пригнувшись ближе, шепчет: – Подумай хорошенько.

– Это послание?

– Ага, – кивает Дан. – Оно. А может, поддай хорошенько. Я точно не уверен.

– К этому совету стоит прислушаться. – Я слегка отпихи-

ваю Дана, чтобы сесть в джип.

Бродяга совсем легкий, хотя с виду и не скажешь, словно все, что было у него внутри, давным-давно израсходовано. В таком случае удивительно, как это я сам до сих пор не улетел в облака.

– Позже, – говорю я Дану и еду к складу, который приглядел.

Я ищу места, похожие на меня самого: большие, пустые, всеми забытые. Это расположено в районе Олнивилла. Раньше на складе хранилось оборудование для экспортного бизнеса. Теперь он стал прибежищем для разросшегося семейства крыс. Я паркуюсь в отдалении, чтобы никто не заметил мою машину. Сую набитую опилками подушку под куртку и вылезаю.

Оказывается, я кое-чему научился у своего старого доброго отца: пожарные с большим мастерством проникают в такие места, где им не положено быть. Вскрыть замок не составляет труда, а дальше нужно только решить, с чего начать. Прорезаю дыру в наволочке и рисую опилками на полу инициалы: «ДБФ». Потом поливаю буквы кислотой.

Впервые я делаю это в разгар дня.

Достаю из кармана пачку «Мерит», разминаю сигарету и сую ее в рот. В зажигалке почти не осталось газа: надо не забыть заправить. Докурив, я встаю, делаю последнюю затяжку и бросаю хабарик на опилки. Знаю, они займутся быстро, поэтому к выходу бегу, а за спиной у меня вырастает стена

огня. Спасатели, как и все остальные, станут искать причину. Но от этой сигареты и моих инициалов следа не останется. Пол под ними расплавится. Стены покорежатся и рухнут.

Первая пожарная машина подъезжает к зданию в тот момент, когда я, вернувшись к джипу, достаю из багажника бинокль. Огонь уже сделал свое дело – сбежал. Стекла в окнах лопнули, вверх поднимается столб черного дыма, затмение.

Впервые я увидел маму плачущей, когда мне было пять лет. Она стояла у окна на кухне и притворялась, что не плачет. Только-только вошло солнце, похожее на раздутый узел.

– Что ты делаешь? – спросил я.

Прошло много лет, прежде чем я понял, что услышал ее ответ неправильно. Она сказала «горюю», а не «грею», и речь шла вовсе не о завтраке.

Небо отяжелело и почернело от дыма. Обрушивается крыша, вокруг – россыпь искристых брызг. Прибывает вторая пожарная команда – этих ребят оторвали от обеда, вытащили из душа, сдернули из гостиной. В бинокль мне видна фамилия, мерцающая на спине рабочей куртки, будто выложенная из бриллиантов: Фицджеральд. Мой отец кладет руки на готовый к бою пожарный шланг, а я сажусь в машину и уезжаю.

Дома у матери нервный срыв. Она вылетает из дверей, как только я ставлю машину на место, и быстро говорит:

– Слава богу! Мне нужна твоя помощь.

Она даже не смотрит, иду ли я за ней, значит проблема с Кейт. Дверь в комнату сестер выломана, деревянный дверной косяк расколот в щепки. Сестра неподвижно лежит на постели. Потом вдруг оживает, поднимается, словно раздвигаемый домкрат, и ее рвет кровью. Пятно растекается по рубашке и одеялу в цветочек – красные маки появляются там, где их не было.

Мать опускается рядом, убирает с ее лица волосы, прижимает ко рту полотенце. Кейт снова выворачивает, еще один поток крови.

– Джесс, твой отец на вызове, я не могу с ним связаться, – произносит мама спокойным тоном. – Нужно, чтобы ты отвез нас в больницу, а я буду сидеть сзади с Кейт.

Губы у Кейт гладкие, как вишни. Я поднимаю ее на руки. Она легкая – одни кости выпирают наружу сквозь футболку.

– Когда Анна сбежала, Кейт не пускала меня в комнату, – объясняет мама, семеня рядом. – Я дала ей время успокоиться. А потом услышала кашель. Мне нужно было попасть внутрь.

«Поэтому ты выломала дверь», – думаю я, и меня это не удивляет. Мы доходим до машины, мама открывает дверцу, чтобы я мог засунуть внутрь Кейт. Я выезжаю со двора и мчусь по городу еще быстрее, чем обычно, – по шоссе, к больнице.

Сегодня, когда родители с Анной были в суде, мы с Кейт смотрели телевизор. Она хотела включить свою мыльную

оперу, а я сказал ей, что это мурра, и нашел зашифрованный канал «Плейбоя». Сейчас, пролетая светофоры на красный, я жалею об этом, пусть бы смотрела свой дурацкий сериал. Я стараюсь не цепляться глазом за белую монетку ее лица в зеркале заднего вида. Вы, наверное, думаете, что за долгое время я привык к таким вещам и подобные моменты не вызвали у меня состояния шока. Вопрос, который мы не можем задать, пульсирует в моих венах с каждым ударом сердца: «Это оно? Это оно? Это оно?»

Как только мы сворачиваем на подъездную дорожку и подкатываем к отделению неотложной помощи, мама выскакивает из машины и торопит меня вынимать Кейт. Мы являем собой достойную картину, когда проходим через автоматические двери: я несу на руках заляпанную кровью Кейт, а мама хватается за рукав первую попавшуюся медсестру.

– Ей нужны тромбоциты, – решительно заявляет она.

Кейт забирают, и несколько мгновений уже после того, как врачи, сестры и мать скрылись вместе с ней за занавесками, я стою, вытянув руки – они висят в воздухе, словно буйки на воде, – и пытаюсь привыкнуть к ощущению, что на них больше никого нет.

Доктор Чанс, онколог, которого я знаю, и доктор Нгуен, незнакомый мне эксперт, сообщают нам то, о чем мы и сами уже догадались: это предсмертная агония последней стадии заболевания почек. Мама стоит рядом с кроватью, сжав ру-

кой стойку, на которой висит капельница.

– Трансплантацию еще можно провести? – спрашивает она, будто Анна вовсе не затевала процесса, будто это все ничего не значит.

– Кейт находится в тяжелом клиническом состоянии, – отвечает доктор Чанс. – Я уже и раньше говорил вам, что не знаю, хватит ли у нее сил вынести такую операцию. Теперь шансов на это еще меньше.

– Но если бы был донор, – продолжает мать, – вы сделали бы это?

– Погодите, – сиплю я, словно у меня горло забито соломой. – Моя подойдет?

Доктор Чанс качает головой:

– В обычных случаях донор почки не должен подходить идеально, но твоя сестра – особый случай.

Врачи уходят, и я чувствую на себе взгляд матери.

– Джесс... – произносит она.

– Не то чтобы я изображал из себя волонтера, мне просто хотелось, ну, ты знаешь, знаешь.

Однако внутри у меня все горит, пылает устроенным на складе пожаром. Отчего я возомнил, будто могу чего-то стоить, даже теперь? Почему решил, что способен спасти сестру, хотя никогда не мог спасти себя самого?

Кейт открывает глаза и смотрит прямо на меня, облизывает губы – они все еще в крови, и от этого она похожа на вампира. Ожившего мертвеца. Если не хуже.

Я наклоняюсь, ведь у нее совсем мало сил, ее голосу не преодолеть разделяющего нас пространства.

– Скажи, – произносит она одними губами, чтобы мама не видела.

Я отвечаю ей так же тихо:

– Сказать? – Я хочу удостовериться, что правильно понял.

– Скажи Анне.

Но тут дверь в палату открывается, и отец наполняет комнату запахом пожарища. Его волосы и одежда продымились насквозь. Вонь такая сильная, что я поднимаю голову и с тревогой смотрю на систему пожаротушения.

– Что случилось? – спрашивает он и идет прямо к постели Кейт.

Я выскальзываю из комнаты, потому что больше здесь никому не нужен, и в лифте под табличкой «Не курить» зажигаю сигарету.

Скажи Анне что?

Сара

1990–1991 годы

По чистой случайности или, может, по воле кармических сил все три посетительницы салона красоты беременные. Мы сидим под сушилками, сложив руки на животах, как рядок будд.

– Мне больше всего нравятся Фридом, Лоу и Джек, – говорит женщина рядом со мной; ей красят волосы в розовый цвет.

– А если родится не мальчик? – спрашивает та, что сидит с другой стороны.

– О, эти имена подходят для всех.

Я сдерживаю улыбку:

– Голосую за Джека.

Женщина прищуривается, глядя в окно на слякотную погоду.

– Слит¹⁵ звучит мило, – бесстрастно произносит она, а потом проверяет, как звучит имя: – Слит, собери свои игрушки. Слит, дорогой, пойдем, или мы опоздаем на концерт дяди Тупело. – Она достает из кармана комбинезона карандаш

---

¹⁵ *Слит* (англ. Sleet) – букв. «снег с дождем, слякоть».

и листок бумаги, записывает имя.

Соседка слева улыбается мне:

– У вас это первый?

– Третий.

– У меня тоже. Два мальчика. Я скрестила пальцы.

– У меня мальчик и девочка, – отвечаю я. – Пять и три.

– Вы знаете, кто у вас будет на этот раз?

Об этом ребенке мне известно все, начиная с пола и заканчивая расположением хромосом, включая те, которые делают его идеально подходящим для Кейт. Я точно знаю, что получу: чудо.

– Это девочка.

– Ох, как я вам завидую! Мы с мужем не спросили на УЗИ. Я думала, если узнаю, что снова мальчик, не вынесу последние пять месяцев. – Она выключает сушилку и откидывает ее назад. – Вы уже выбрали имя?

Тут я вдруг с удивлением понимаю, что об имени даже не думала. А ведь я уже на девятом месяце. Хотя у меня была масса времени на размышления, я как-то не задумывалась об особенностях этого ребенка. Об этой дочери я рассуждала только в терминах того, что она сможет дать девочке, которая у меня уже была. И о своих мыслях я не признавалась даже Брайану, который по ночам прикладывал ухо к моему сильно выпирающему животу и ждал толчков, знаменующих, как он думал, появление на свет первой женщины плейскикера для «Пэтриотс». Мои планы относительно до-

чери были не менее возвышенны: она должна спасти жизнь своей сестре.

— Мы ждем, — отвечаю я соседке.

Иногда мне кажется, что мы все время только этим и занимаемся.

После трех месяцев химиотерапии настал момент, когда я по глупости решила, что теперь-то мы преодолели все трудности. Доктор Чанс сказал, у Кейт по всем признакам наступила ремиссия и нам остается только следить за ее здоровьем. На некоторое время моя жизнь вернулась в норму: я возила Джесса на тренировки по футболу, помогала в подготовительной группе Кейт и даже принимала горячие ванны, чтобы расслабиться.

И тем не менее какая-то часть меня понимала, что и второй ботинок непременно увязнет. Эта часть толкала меня на то, чтобы каждое утро обшаривать подушку Кейт, хотя волосы у девочки начали отрастать с завивающимися обожженными кончиками: вдруг они снова начнут выпадать. Эта часть повела меня к рекомендованному доктором Чансом генетику, сконструировала эмбрион, который одобрил, подняв вверх большие пальцы, научный сотрудник и который будет обладать идеальным сходством с Кейт. Под нажимом этой части себя я принимала гормоны для ЭКО и стала вынашивать эмбрион, так, на всякий случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.